

Дружина специального назначения

Сергей Платов

Посол вон!

2006

Платов С.

Посол вон! / С. Платов — 2006 — (Дружина специального назначения)

«Дружина специального назначения» – элитное спецподразделение князя Берендея – стала известна далеко за пределами Киевской Руси. Это и немудрено, так как никогда еще не было на земле русской таких заступников. Бывший браток Илюха, его верный друг черт Изя, боевая подруга и некогда мелкоуголовная личность Злодейка-Соловейка Любава и маленький трехголовый Змей-Горыныч Мотя. И вместе они сила! А если их разделить? Это и попытались сделать таинственные вороги. Но трепещите враги и радуйтесь друзья – эта удивительная компания выдержит все испытания и с честью выйдет из любых запутанных ситуаций! НАТО не НАТО, послы не послы, никто не сможет стать на их пути!

Сергей Платов

Посол вон!

Действующие лица:

Илюха Солнцевский – бывший чемпион по борьбе, а ныне старший богатырь средневековой киевской «Дружины специального назначения». Уже вполне освоился в былинной Руси и даже может обходиться без мобильного телефона, И вообще, кто сказал, что бывший московский браток не может быть реальным киевским богатырем?

Изя – черт, простой украинский черт, а по совместительству средний богатырь указанной дружины. Великий авантюрист и финансист в одном флаконе. Перебрался на историческую и временную родину и старается из этого безобидного факта выжать как можно больше приятных моментов.

Злодейка-Соловейка Любава – бывшая купеческая дочка, под влиянием гостей из мутного будущего в короткий временной отрезок сменившая личину разбойника на косуху младшего богатыря. Надо признать, что и то и другое необычайно идет ее соблазнительной фигуре. Замечательно готовит и не менее впечатляюще свистит.

Змееньши-Гореньши Мотя – трудное детство маленького трехголового змея позади. Наступает счастливая юность за могучей спиной обожаемого хозяина и друга – Илюхи Солнцевского.

Князь Берендей – действующий правитель Киевской Руси. Вполне мог бы называться «Великим», если бы вдруг во всем государстве исчезли красивые девушки и крепкие горячительные напитки. Как известно, и на солнце бывают пятна. В данный момент под влиянием весомого кулака супруги временно перестал смотреть на прекрасный пол и обратил свои ясные очи на веселящие напитки чуть покрепче воды.

Княгиня Агриппина – нрава сурового, рукою тяжела. Была бы, несомненно, счастливой женщиной, если бы послала своего благоверного куда подальше. Что поделаешь, любовь к собственному мужу не такая уж редкость, как может показаться с первого взгляда.

Княжна Сусанна – усилиями Солнцевского и его мини-дружины первая культуристка на Руси. Характер изменился в полном соответствии с новым имиджем и фигурой.

Князь Галицкий Вилорий – любовь зла, полюбишь и Сусанну, а вместе с ней и все прелести бодибилдинга. Тем более что за нее давали полцарства в придачу и все сопутствующие прибаамбасы.

Дьячок Мишкиша – толмач и секретарь Берендея. Характер вредный и противный, однако продолжительной службой при дворе заслужил некое подобие права голоса. После замужества дитятки Сусанночки решил положить свою жизнь на алтарь борьбы с бесовщиной в лице «Дружины специального назначения».

Воевода Севастъян Филиппович – честный служака. На таких людях во все времена держится государство.

Но в отличие от современности в древние времена это ценили.

Кузнец Захар – не оскудела талантами земля Русская, и княжеский кузнец лучшее тому подтверждение.

Домовой Феофан – старый, сварливый, мудрый домовой. Как ни странно, очень привязался к новым обитателям «Чумных палат». А что? Хорошие ребята, блюдут себя в чистоте, девочек не водят, самогон гонят исключительно для собственного употребления. К тому же с ними весело.

Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович – знаменитые былинные богатыри, тут больше и не добавишь. Только вот кто сказал, что они должны быть начисто лишены простых человеческих слабостей?

Посол Тевтонского ордена Фриц Геральд Леопольд Ульрих Витольд Вольф Киндерлихт – в отличие от имени ростом невелик, чего не скажешь о наглости и зашкаливающим самомнении.

Посол Литовского княжества Курвель Вражинас – если бы не застывшая гримаса презрения на его лице, мог бы вполне сойти за приличного человека.

Посол королевства Польского Альфонсо Чмоник – если хоть на мгновение поверить в теорию о переселении душ, то данный индивидуум, несомненно, держит свой род от петухов. Впрочем, вся его сущность и внешний вид лишь подтверждают эту сомнительную теорию.

Посол Бухарского эмирата Каюбек Талибский – Восток – дело тонкое!

Дочурка его, несравненная Газель – Газель, не газель, но дочурка, это точно.

Городской люд, богатыри, бояре, посольские работники и парочка устрашающего вида евнухов для колорита.

Действие происходит в стародавние времена, когда Русь еще не поделилась на Великую, Белую и Малую, а люди были проще и искреннее.

* * *

Если бы князь Галицкий Святополк жил в далеком двадцать первом веке или, на худой конец, владел бы жаргоном своих далеких потомков, то о своем состоянии мог бы сказать одним емким выражением – в полном ауте. Честно говоря, данное состояние для славного князя было в новинку. Он впервые не только не контролировал ситуацию, но и толком не мог понять, что происходит вокруг. С одной стороны, все ясно и просто: впереди хазары, рядом русские ратники, скоро будет битва. Но, с другой стороны... Как раз этот самый полный аут.

А началось все с того, что прибыла обещанная князем Берендеем подмога из стольного Киева для отражения очередного набега кочевников. Положа руку на сердце, Святополк рассчитывал увидеть тысяч пять ратников, но вместо этого перед его удивленными очами предстали всего три сотни воинов. Мало того, прибывшие богатыри, под началом своих сотников Ильи Муромца, Добрыни Никитича и Алеши Поповича, были настроены на предстоящий бой настолько легкомысленно, что такое настроение постепенно передалось и основной дружине князя.

Но и это, как оказалось, было не самым странным. Вместе с ратниками в город прибыла «Дружина специального назначения» князя Берендея. В этой весьма странной дружине было всего шесть членов, если считать по головам, или четыре, если считать по туловищам. Да, конечно, среди русских князей уже давно поговаривали о странной компании на службе у киевского князя, но уж больно эти рассказы походили на сказки.

Ну разве могут три человека и один совсем еще зеленый Змей Горыныч спасти Киев от целой тучи степняков? Конечно нет! А по силам ли им в одно мгновение навести порядок на дорогах княжества и приструнить разбойников так, что те теперь чуть ли не сами в казну подати приносят? Тоже нет! А история, как в два счета вытрясли все недоимки из молодого, но не по годам наглого князя урюпинского Сигизмунда Лазаревича? А байки про то, как этой мини-дружиной на севере без боя были остановлены корабли викингов?

Тут двух мнений быть не может – все это сказки, от первого слова до последнего. И как только можно поверить в такое? Наверное, просто мало кто видел эту самую дружину воочию.

Ну да, старший богатырь там заслуживает некоторого внимания, хотя и выглядит он более чем странно. Сам из бывших монахов (об этом говорит огромный крест на внушительной золотой цепи на его шее), косая сажень в плечах, срамно стриженный практически наголо и со скобленным лицом. Но его помощники? Это же смех один!

Какой-то молоденький румяный отрок с хитрым взглядом и красной повязкой на голове; девица с криминальным прошлым и Змей Горыныч самого что ни на есть детского возраста. И ко всему прочему, все они оказались облачены не в положенные по статусу кольчуги, а в какие-то черные кожаные косые кафтаны, сплошь усыпанные клепками, шипами и кольцами. Даже у Змееныша на шеях красовались ошейники из все той же черной кожи с могучими шипами наружу.

Да если бы не верительные грамоты, Святополк такую компанию даже на порог к себе не пустил, не то что доверить координацию будущего сражения!

Но тут неожиданно для старого князя за дружину вступился собственный сын, князь Вилорий. Видите ли, именно эти люди сделали возможным его брак с дочкой Берендея, княжной Сусанной.

Ну да, Святополк до сих пор не мог поверить, что такая необходимая с политической точки зрения свадьба все же состоялась. Трудно было поверить собственным глазам, как изменилась княжна Сусанна за последнее время. Кстати, именно она, уже носящая в своем чреве будущего правителя княжества, добавила Святополка и буквально заставила отдать все руководство предстоящим сражением этой странной компании.

Послушал Берендея, трех богатырей, сына, невестку, и что теперь? Да более неудобного места для битвы и представить невозможно! Нет чтобы встретить врага в чистом поле и пасть под его ударом как герой ввиду значительного численного перевеса с его стороны. Так нет, зачем-то встали у подножия горы, тем самым полностью отрезав себе путь к отступлению. Да разве так воюют? Вона, хазары шибко обрадовались такой диспозиции и уже выстроились в шеренги перед решающим ударом. Сейчас как хлынут лавиной да как прижмут к этой самой горе, так и конец придет галицкому войску.

Святополк крикнул от досады и огляделся по сторонам. Как ни странно, вокруг никто не разделял опасения князя. Наоборот, наследник престола (он же по совместительству старший сын) Вилорий весел, вполголоса рассказывает какую-то неприличную байку Алеше Поповичу. Судя по довольному лицу последнего, рассказ пришелся явно по вкусу.

А другие сотники – Илья Муромец и Добрыня Никитич, вместо того, чтобы подбодрить бойцов перед неминуемой гибелью, вообще ведут себя неприлично. Машут сжатыми кулаками друг перед другом со странным заговором: «камень, ножницы, бумага», выбрасывают либо два, либо пять пальцев, либо сжатый кулак и после этого с богатырским хохотом щелкают друг друга по лбу.

«Ну что ж, раз пришло время сложить голову за землю Русскую, так хоть останусь в памяти потомков как достойный правитель и серьезный князь, не то что эти великовозрастные шалопаи, – промелькнула в голове Святополка шальная мысль. – Вон, хазары уже строй двинули. И где же эта самая хваленая дружина?»

* * *

– Любавочка, солнышко, ну чего ты боишься? Это же так просто: разбежалась, оттолкнулась и полетела. Почти как Катерина из «Грозы», – продолжал успокаивать будущую покорительницу воздушного пространства Изя.

– Кто? – не поняла черта младший богатырь Любава, которая только сейчас начинала осознавать, в какую именно авантюру ее втравил вездесущий Изя.

– Кстати, пример неудачный, – осторожно вставил свое слово Илюха. – Катерина плохо кончила.

– Это неважно! – гордо отмахнулся Изя. – Главное, что дело несложное.

– Ага! – взревела бывшая гроза большой дороги Злодейка-Соловейка Любава. – Раз это так просто, так и лети сам!

– Ну скажи на милость, кого может удивить, а тем более испугать летающий черт, да еще в таком негероическом мороке? – не сдавал своих позиций ушлый Изя. – Тут помимо внезапности очень важно твое звуковое оформление. А так изумительно насвистывать, как ты, я при всей своей исключительности просто не умею. Так что, не кобенься, разбегайся и вперед. Это только в первое мгновение страшно, а потом все пойдет как по маслу. Это я тебе говорю, как бывший сталинский сокол.

– Кто? – опять не поняла Любава.

– Да это неважно, – осадил Соловейку черт. – Мотю я проинструктировал лично, так что он тебя подстрахует.

Змейчик охотно подтвердил эти слова троекратным кивком.

– И поддержит огнем, – охотно поддакнул Солнцевский, ласково потрепав своего любимца по левой шее. – Кстати, ты уж там за ним последи, а то он еще маленький.

Готовый сорваться с губ вопль бурного возмущения прервал звук боевого рога кочевников.

– Ну все, ерунда отнекиваться, поздняк метаться, пора в полет, – тут же засуетился Изя, проверяя надежность ремней.

– На-ка вот, – спохватился Илюха, протягивая уже пристегнутой Соловейке стакан, до краев наполненный раскрепощающей влагой чертова доморощенного производства. – Поможет.

Любава в обычное время, по мере возможности ведущая активную, но заведомо проигрышную борьбу с «зеленым змием» (не путать с Мотей, он, можно сказать, цвета «мокрый асфальт»!), охотно приняла из рук Солнцевского посуду и тут же залпом осушила ее.

Где-то совсем немного многоградусная жидкость побродила по венам Соловейки и наконец добралась до очаровательной головки. Как и предсказывал Солнцевский, национальное русское лекарство помогло. Легкий румянец игриво заискрился на щеках бывшей разбойницы, и она совсем уже другим голосом молвила.

– Плесни-ка еще, так сказать, на посошок.

Илюхе не понадобилось дважды повторять, он опять твердой рукой наполнил посудину, правда, на этот раз только до середины. Перебор в этом деле мог стоить дорого. Содержимое так же неумолимо перекачилось в младшего богатыря дружины особого назначения.

– Эх, раззудись плечо! – залихватски выдала Соловейка. – Прикрой, атакую!

С этими словами, бывшая разбойница весело разбежалась по склону и, ничуть не сомневаясь, бросилась вниз с обрыва, прочно привязанная под крылом самого первого на Руси дельтаплана. Трехголовый Змееныш-Гореныш Мотя не заставил себя долго ждать и тут же последовал за ней. Не дай бог с ней что-то случится, так кто же его кормить тогда станет?

Однако доморощенный воздушный ас для первого полета вел себя вполне прилично. Соловейка немного пометалась в воздухе, но быстро справилась с управлением и, заложив лихой вираж, атаковала несущихся на русское воинство кочевников. Удивительной силы свист, заставляющий падать в обморок лошадей и надолго выводящий из рабочего состояния наездников, неоднократно усиленный огневой мощью Змея, в одно мгновение резко переломил ход еще не начавшегося сражения.

Хазары, еще буквально мгновение назад готовые смять русские полки, явно не ожидали воздушной атаки противника. При первом же заходе на цель военно-воздушных сил Берендея они смяли свои порядки и в панике заметались по долине. Объединенной галицкой и киевской рати оставалось только спокойненько нейтрализовать низкорослых степных клиентов с помощью тяжелого железа и планомерно складывать их в стороночке в упакованном виде.

А сверху их продолжал настигать неугомонный свист младшего богатыря «Дружины специального назначения» Любавы и тройная огневая поддержка вечно голодного, но при этом очаровательного трехголового проглота Моти.

– Что ж, похоже, дело сделано, – довольно хмыкнул Изя.

– Пожалуй, – с чувством полнейшего удовлетворения отозвался Солнцевский, глядя, какой фурор производит Соловейка вкупе со Змеем. – Кстати, ты же говорил, что всегда служил в службе тыла?

– Ну, – неохотно отозвался рогатый компаньон.

– Так когда ты успел стать сталинским соколом?

– Можно подумать, что у этих самых соколов не было службы тыла, – хмыкнул Изя.

Илюха изумленно вскинул брови и словно айсберг над «Титаником» навис над чертом.

– Так ты что, сам не летал?!

– Да когда мне было летать! – не остался в долгу рогатый. – А керосин, а масло, а поставка новой техники, а горячее питание, наконец? Думаешь, все это просто достать, подвезти, разместить?

– Да если с ней что-нибудь случится... – потирая пудовые кулаки, начал было Солнцевский, но его тут же прервал черт.

– Уверяю, с ней все будет в порядке! – бравым голосом отрапортовал Изя, и буквально спустя мгновение добавил: – Головой отвечаю.

– Рогами, – уточнил Илюха.

Изя вполне отчетливо проскрипел в ответ зубами и нехотя направился вниз в долину, дабы на месте проконтролировать процесс приземления. Уж кто-кто, а он хорошо знал, что Солнцевский не бросает слов на ветер, а рогов, кстати, у приличного черта всего два, да и то в настоящий момент находящихся в укороченном состоянии.

– Еще сто очков на счет «Дружины специального назначения», – весьма довольным голосом хмыкнул Солнцевский, глядя на то, что осталось от орды кочевников.

* * *

«Дружина специального назначения»... Уникальное, можно сказать, элитное подразделение в составе войска киевского князя Берендея. Одни тихо ненавидят эту странную компанию, другие боготворят, третьи завидуют, но знают сейчас о них буквально все. Слишком уж заметные и сложные дела оказались им по зубам.

А началась история этой странной компании всего год назад. Именно тогда Солнцевский браток, бывший чемпион СССР по греко-римской борьбе среди юниоров, сел в свой гробоподобный джип и привычным движением ноги вдавил педаль акселератора в пол. Позади остался Киев, успешно перетертые стрелки и улаженные недоразумения с суверенными украинскими коллегами. Впереди ждало ночное шоссе, которое неминуемо должно было привести к воротам его коттеджа под Москвой...

И тут вроде бы вполне прямая дорога Илюхиной судьбы совершила лихой вираж. Под его колеса угодило странное создание в лохматой шкуре, с рогами и копытами. Это сейчас Солнцевский уже не удивляется ни чертям, ни Змеям Горынычам, ни Соловьям-разбойникам

(а чего тут удивляться, если они все состоят в его команде?), а тогда он был, мягко говоря, озадачен данным индивидуумом. Тем более что этот самый индивидуум очнулся и стал бурно выражать свое категорическое недовольство дорожным инцидентом. Причем делал он это в таких выражениях, что не терпящий хамства бывший борец стерпеть просто не мог. Слово за слово, удар за ударом, кулаки против копыт...

Не буду описывать подробно это общение, скажу только, что именно оно стало переломным как в судьбе человека, так и в судьбе черта. Победили кулаки и советская спортивная школа. Илюха произвел захват, поднапрягся и сломал оппоненту рог, причем в буквальном смысле этого слова. Это у людей рога сомнительное приобретение, а у чертей очень даже важная и функциональная часть тела. Тут включилась какая-то древняя чертовская магия, и оба участника конфликта провалились в тартарары, а если быть точнее, то в год рождения черта. Возраст у однорогого оказался весьма внушительным, и вот жители двадцать первого века очутились в былинной Киевской Руси, где реальность плотно переплетена со сказкой.

Под влиянием новых жизненных реалий спорщики были вынуждены прекратить дискуссию, договориться о перемирии и банально познакомиться.

Черта звали Изя. Да, да, вот так его называли мама с папой. Причем он до сих пор категорически отвергает свое отношение к иудеям и объясняет такое имя веселым нравом своих родителей. А время от времени появляющийся одесский акцент и не менее одесские замашки – своим умением жить и природной харизмой.

Жить этот жук действительно умеет, данный факт не вызывает ровным счетом никаких возражений. Никто так искусно не может найти выгоду в совершенно банальной ситуации, да и насчет харизмы, он, пожалуй, не врет. Словно острая приправа, он может сделать пикантным даже самое постное блюдо. Проще говоря – с ним не соскучишься. Чтобы не пугать окружающих своим весьма колоритным видом, Изя использует морок и предстает перед всеми таким румяным мальчишем-плохишем.

Ладно, оставим в покое темное прошлое черта (тем более что там без горилки не разберешься) и его бурное настоящее, а обратим наши взоры к третьему члену команды, которая только что своим героическим полетом переломила ход сражения.

Былины в детстве читали? Значит, про Соловья-разбойника знаете. Только вот в нашей истории этот самый Соловей не злой и страшный разбойник с большой дороги, а весьма юная девушка очень даже привлекательной наружности. С отрицательным персонажем из былин ее объединяет только умение сногшибающе свистеть, причем в буквальном смысле сногшибательно. Немного людей может похвастать, что выдержал ее свист.

На большой дороге она, правда, тоже пошалила, но беззлобно и без человеческих жертв. Именно там будущая «Дружина специального назначения» приобрела своего третьего члена. Обиженная на весь окружающий мир Любава (а именно так звали девицу), решила банально попугать странную парочку. Пугаться ребята почему-то не захотели, но знакомство все-таки состоялось.

Конечно, друзья не сразу признали в шустрой черноволосой девчонке полноправного партнера, но исключительные кулинарные способности, помноженные на природное обаяние и настойчивость, сделали свое дело, и она по праву заняла место младшего богатыря в минидружине.

Ну и наконец самый головастый член их компании – Змееныш-Гореныш Мотя. Головастый, это не потому, что самый умный (хотя тут у него тоже все в порядке), а потому, что, как известно, голов у Горынычей три, даже если они еще маленькие. Этого почти сказочного персонажа ребята отбили от стаи волков, и он прочно прописался в команде, признав в Любаве кормилицу, в Илюхе обожаемого хозяина, а в Изе... Изю он просто признал. Поверьте, это уже немало.

Но не сразу эти совершенно разные персонажи стали единой командой. Было все: и тоска по родине, и взаимные обиды, и бурные радости. Но ничто так не сплачивает людей, чертей и Змеев-Горынычей, как совместные приключения, а вот приключений на долю нашей компании выпало хоть отбавляй.

Постепенно, сам того не замечая, Илюха Солнцевский втянулся в эту сумасшедшую, странную, но какую-то очень правильную жизнь. Сами посудите, ведь гораздо интересней мирить грозных князей, чем поссорившихся банкиров, разбираться с вражеской ордой, а не с залетными отморожками, спасать целый город от набега кочевников, а не какого-нибудь подшефного бизнесмена от разъяренных кредиторов.

Жизнь в почти сказочной Руси, рядом с былинными богатырями, чертями, домовыми, горынычами оказалась настолько увлекательной, что, когда ушлый Изя раздобыл артефакт перемещения во времени, брошь Илейки Кудрявого (кстати, весьма смахивающего на октябрютскую звездочку), чтобы вернуться назад, Солнцевский взвесил все «за» и «против» и остался.

Конечно, на его решение повлиял не только сладостный вкус приключений, но и то, что на далекой исторической родине по-настоящему близких людей у него не было. Как бы то ни было, но, к великой радости Любавы (которая уже смотрела на него не совсем как на непосредственного начальника) и бурной эйфории Моти (который точно знал, что по-другому быть не могло), старший богатырь «Дружины специального назначения» прочно обосновался в Киеве и уже ни о чем не жалел. Ну разве только о покинувшем их Изе – жизнь без старого проныры оказалась не такой яркой.

К счастью, черт недолго погостил в современном мире. Вольная и удивительно насыщенная жизнь на временной родине неизменно притягивала к себе, да и новые друзья оставили в сердце заметный след. Так что он быстренько уладил все свои дела, сделал некоторые запасы и вернулся назад. Как, спросите вы? Да старым проверенным способом – рог себе сломал.

Таким образом, дружина воссоединилась в полном составе и принялась верой и правдой служить земле Русской на горе ее врагам и на радость друзьям.

* * *

Испокон веков слухи по Руси распространяются с небывалой скоростью, так что возвращение в Киев было триумфальным. Буквально весь городской люд высыпал на улицу с твердым желанием лично встретить посланное на помощь Галичу войско, возвратившееся с небольшой, но победоносной войны.

Первым на городские улицы на вороном коне ступил зять Берендея и наследник парочки не самых малых престолов князь Вилорий. Несмотря на то, что его Сусанна сейчас находилась на сносях, он сумел отпроситься у нее на пару неделек, чтобы лично высказать благодарность Берендею за присланное подкрепление.

Чуть позади могучей стеной прошествовали сотники Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич. Поначалу с ними у Солнцевского сложились весьма непростые отношения, но после того, как вместе пришлось немного помахать с хазарами, былинные богатыри признали его за своего. Другими они, конечно, не стали (слишком уж разные это были люди), но и противниками быть перестали. А чего делить-то? Времена сложные, развернуться есть где, всем места хватит.

Ну и наконец, так сказать в гуще основного войска, показалась «Дружина специального назначения» во всей своей красе. Кожаные косухи, ставшие для команды чем-то вроде уни-

формы, приятно поскрипывали при движении, сияя своими шипами и клепками на ярком солнце.

Дело в том, что еще в начале своей карьеры при дворе князя Берендея Солнцевский наотрез отказался надевать на себя кольчугу или латы, принятые у большинства ратников. Слишком тяжелым и неудобным показалось ему это одеяние. Хорошо еще, что в Илюхину стриженую голову пришла светлая мысль, а княжеский кузнец и по совместительству мастер на все руки Захар воплотил задуманное в жизнь. В результате такого сотрудничества на свет появилась классическая рокерская косуха с большим количеством шипов и прочего железа. От удара меча она, конечно, не спасала, но зато движений не сковывала, да и смотрелась на улицах средневекового Киева очень даже импозантно.

Остальным членам его команды данное одеяние пришлось по вкусу, и вскоре они облачились в подобные наряды. Отличались они только тем, что на могучей спине Солнцевского красовался православный крест (многие в Киеве до сих пор считали, что Илюха беглый монах), у Изи – физиономия вечно чем-то недовольного быка, символа заморской баскетбольной команды, а у Соловейки хищно скалился «веселый Роджер».

Да, чуть не забыл, трехголовый Мотя, как полноправный член дружины, также имел характерные знаки отличия. Его шеи украшали огромные кожаные ошейники, кардинально проклепанные и с шипами наружу. Честно говоря, они оказались несколько великоваты ему и смотрелись на его пока еще тонких шейках комично, но расставаться с такой красотой Гореныш не собирался. Да и посмеяться над ним охотников не находилось, хотя шеи тонкие, но они держат на себе три весьма зубастых и огнедышащих пасти.

Городские жители поначалу весьма опасались Змейчика, но потом как-то попривыкли и стали спокойней воспринимать его присутствие. Тем более что он был полноправным членом дружины, а уважение простого народа к этой весьма странной компании неумолимо росло и крепло.

Любава ловко управляла лошадьми, Змей семенил рядом, а Илюха с Изей вольготно развалились на мягком кожаном диване их весьма модернизированной повозки.

Еще во время прошлых приключений, с помощью того же княжеского кузнеца Захара и бурной фантазии друзей, она превратилась в весьма сносное средство передвижения. Обитые войлоком колеса, смутное подобие рессор и мягкий кожаный салон, набитый отборным пухом, позволили друзьям путешествовать без особых неудобств. Илюха называл повозку ласково – «ню-паджеро». В честь оставленного в далеком будущем своего любимого джипа.

Соловейка, привыкшая к верховой езде, долго боролась с коллегами, но в конце концов смирилась и заняла место водителя. Данный факт позволил Илюхе и Изе чувствовать себя в пути спокойно и расслабленно.

– Ну что, не жалеешь, что сам себе рог сломал? – ехидно поинтересовался Илюха у Изи, купаясь в лучах славы.

– Вот еще, – отмахнулся черт. – Вы без меня пропадете, а дела свои я могу и тут воротить.

– Так уж и пропадем, – улыбнулся Солнцевский.

– А рога – это дело наживное, – загадочно хмыкнул Изя, ловко поймав букетик незабудок.

– Это уж точно, – философски отметил Солнцевский, подмигнув между делом какой-то особенно румяной горожанке и послав ей воздушный поцелуй.

Изя, заметив это, озабоченно нахмурился и с оглядкой на возницу, переходя на шепот, заметил другу:

– Ты моргай-то осторожно, не зли Любаву.

– Да что я такого сделал-то? – осекся старший богатырь. – Что, мне и улыбнуться никому нельзя?

– Лично мне все равно, кому ты улыбаешься, а вот Любаве нет, – съехидничал Изя. – Вот подсыплет тебе завтра в завтрак крысиного яда, будешь знать, как молодыхам подмигивать.

– Изя, братан... – закатив глаза, застонал Илюха. – Ну я же тебе говорил, она мне как боевая подруга, а я с друзьями любовь не кручу.

– Ладно, проехали, – хмыкнул черт в образе мальчиша-плохиша. – Хотя ты полный лопух. Такая девочка по тебе сохнет, а ты боевая подруга...

– Рога поотшибаю, и никакая мазь не поможет, – незлобно предупредил Илюха и решительно сменил тему. – Ты сам-то что, женским полом совсем не интересуешься?

– Кто, я? – аж подпрыгнул черт. – Да я до революции в Одессе первым ловеласом был! Все красотки мои были!

– А после революции что, на мину наступил, что ли? – не удержался и подколот друга Илюха.

Вместо ответа черт выразительно покрутил пальцем у виска, потом немного подумал и добавил:

– Кураж пропал.

Видя, что друг немного загрустил, Илюха хлопнул его по плечу:

– Да ладно, какие твои годы! Сейчас вон куража хоть отбавляй. Боюсь, что у Берендея скоро будет достойный конкурент.

Тут к говорунам повернулась Любава:

– Ну что вы за люди? Такой момент, а вы бу-бу-бу! Расслабьтесь и получите удовольствие!

– Так мы и получаем, – пожал плечами Илюха.

– А я вообще не человек, – хмыкнул подбодренный Изя и, по примеру Солнцевского, принялся слать воздушные поцелуи направо и налево.

Немного покупавшись в лучах славы и приняв душ из ослепительных улыбок, говорливый черт не выдержал и вновь обратился к Илюхе.

– Ну а ты сам не жалеешь, что красный пиджак сменил на богатырскую косуху?

– Ты знаешь, как ни странно, нет, – озадаченно поведал бывший браток. – У меня вообще такое ощущение, что я только сейчас по настоящему жить начал. Как будто судьба что-то перепутала и я родился не в свое время, а сейчас она просто исправила свою ошибку.

С лица Изи вдруг слетела улыбка, и вполне серьезным тоном он заметил:

– Поверь мне, судьба не ошибается.

* * *

Ну а дальше был традиционный пир. А пир в Средние века дело особенное, можно сказать, уникальное. Развлечений-то мало: ну война там или ярмарка, или еще что-нибудь в этом стиле. А тут такая возможность посидеть, поговорить, пообщаться, поспорить, поссориться, помириться... Да мало ли еще чем можно заниматься на пиру?

Столы ломились от гор всяческой снеди, зелено вино лилось рекой, все было как обычно.

Князь Берендей, как и положено по статусу, восседал во главе всего этого великолепия вместе со своей незабвенной супругой. Несмотря на всеобщее веселье, Берендей был чернее тучи.

Заметив это, Изя хотел было выбраться из-за стола, чтобы навести справки о причине такого положения вещей, но его остановила Любава.

– Не надо куда ходить, все и так ясно. Загулял наш самодержец.

– Опять по бабам? – хмыкнул Илюха.

– Не по бабам, а по женщинам, – тут же осадила его Соловейка. – Нет, на этот раз не по ним, у него лицо целое.

– ???

– Ну чего не понятно-то? – удивилась Любава. – Если бы княгиня застукала его с кем-нибудь, то устным внушением он бы не отделался. А следов внушения физического не заметно. Стало быть, пока мы громили хазар, он просто запил. Ну а его супруга в данный момент старается уберечь его от этой пагубной страсти.

Коллегам оставалось только согласиться с ней. Дело в том, что хороший правитель и не менее приятный человек Берендей имел одно уникальное свойство. При отсутствии каких-либо проблем в государстве он или пил, или гулял налево. Причем и то и другое он делал воистину с княжеским размахом. И если для большинства мужчин питье и общение с противоположным полом чаще всего вполне совместимые вещи, то Берендей предпочитал все по отдельности.

Единственным человеком на земле, который мог вернуть его к нормальной жизни, была его жена Агриппина. Свою супругу он любил и боялся без оглядки. Любит и гуляет? Скептически хмыкнете вы. Да, именно так. Он действительно всем сердцем любил ее, но в какой-то момент в голове Берендея что-то щелкало, и он пускался во все тяжкие. Потом, конечно, бросался в ноги благоверной, клялся, божился, рвал на себе волосы и... вымаливал прощение.

Далее следовала полоса затишья, в конце которой Берендей начинал скучать и постепенно скатываться в объятия «зеленого змия». Чтобы этого не допустить, опять в дело вступала супруга и с помощью строжайшего контроля старалась сломать ситуацию. Иногда это ей удавалось.

– Пожалуй, ты права, – был вынужден признать Изя. – Похоже, сейчас наш Берендеюшка под колпаком у Мюллера, и этот штандартенфюрер в юбке взялся за него всерьез.

– Это бесчеловечно, – голосом, полным сострадания, заметил Солнцевский. – Разве так можно с людьми? Пир ведь! Вот дала бы ему сегодня расслабиться, а с завтрашнего дня и начала тиранить.

Такое искреннее выступление нашло горячую поддержку у Изи и столь же категоричное осуждение у Соловейки. Она вообще была на короткой ноге с княгиней.

– Жестокая, – сказал свое веское слово черт. – Нельзя так с человеком.

– Справедливая, – не осталась в долгу Любава. – Вам, мужчинам, только дай волю, все вверх дном перевернете.

– Все равно это негуманно, – не унимался Илюха. – Посмотрите на него, да это же самый несчастный человек во всем Киеве!

Соловейка собиралась что-то бурно возразить и даже набрала для этого побольше воздуха, но тут ее перебил торжественный голос княжеского глашатая.

– Посол Бухарского эмирата Каюбек Талибский и его дочь, несравненная Газель!

Все как по команде повернули головы к раскрытым дверям. Там и вправду стоял какой-то Каюбек, и уж точно Талибский. Разодетый в шелка и парчу, посол был внушительного роста, с длинной густой бородой и гневным взглядом. За его спиной маячила женская фигура, закутанная в чадру с головы до ног. Одни только глаза говорили о том, что это живой человек, а не мешок с картошкой.

– А у нас что, и с «духами» дипломатические отношения установлены? – решил поправить пробелы в знаниях Илюха.

– С кем? – не поняла Соловейка.

– Ну с душманами, – в свойственной ему манере пояснил бывший браток.

– Так он бухарец, – осторожно заметила Любава.

– А что, есть разница?

– Вы видели, видели?! – влез Изя.

Причем голос черта как-то странно задрожал.

– Кого? – не понял Илюха. – Душмана этого?

– Да какого душмана? – еще больше завибрировал Изя. – Дочку его, несравненную Газель!

Любава переглянулась с Солнцевским, потом оба бросили свои взоры на несравненную и после этого вновь вернулись к озабоченному коллеге.

– Ты имеешь в виду этот кулек на ножках?

К удивлению обоих, Изя налился красной краской, запыхтел и сквозь зубы прорычал:

– Если хочешь и впредь называться моим другом, следи за своим языком!

– А че я сказал-то? – совсем стушевался Илюха. – Ну пусть будет несравненной.

– Изя, с тобой все в порядке? – осторожненько поинтересовалась Любава.

– Эх вы! – даже не заметив вопроса, продолжил гнуть свое черт. – Да неужели вы не видите, какие у нее необыкновенные глаза!

Компаньонам вновь пришлось рассматривать дочку бухарского посла. Ее папаша как раз передавал хмурому Берендею какие-то подарки, а она смиренно стояла за его спиной.

– Глаза как глаза, – хмыкнула Любава, причем Илюха был с ней совершенно согласен.

– Ничего вы не понимаете, – обреченно заметил черт. – Все, похоже, я нашел свою судьбу.

– Где? – завертел головой Солнцевский, выискивая за столами самых симпатичных молодых.

– Газелюшка моя... – с придыханием произнес Изя, буравя свою несравненную томным взглядом.

– Изя, ты что, ошалел? – не поверил своим ушам Солнцевский. – Ты же ее даже не видел! Даже Петруха вначале просил у Гюльчатай открыть личико, а уже потом женился.

– Не романтик ты... – протянул черт. – Глаза – это зеркало души, а глаза я видел. Хотя, с другой стороны, ты прав, вдруг там вместо Гюльчатай Абдулла окажется?

С этими словами Изя выскочил из-за стола и бросился рысачить по своим источникам, чтобы собрать побольше информации про свою несравненную.

– Ох, не нравится мне это, – задумчиво протянул Илюха, глядя вслед своему другу. – Далась ему эта Газель.

– Да ладно, пусть порезвится, – пожала плечами Соловейка.

– Не скажи, Восток – дело тонкое! – голосом легендарного красноармейца Сухова заметил Илюха. – Да к тому же дочка посла.

Тут невольно он бросил свой взгляд на стол, где вольготно расположились обитатели «Иноземной слободы». В последнее время в общении с ними у него наметились некоторые сложности. Однако думать об этом как-то не хотелось, пир есть пир, и забивать голову ерундой Илюха не стал. Он лихо опрокинул чарку и отправил очередную порцию пирожков под стол, где расположился Мотя. Конечно, Змейчик уже давно заслужил место за столом, для него даже соорудили специальный подиум, но в ногах у любимого хозяина он чувствовал себя уютней.

Пиршество продолжалось. Зелено вино лилось рекой, то и дело звучали тосты, и с каждым из них лицо князя становилось все мрачнее и мрачнее. Агриппина, взявшаяся за мужа с присущей ей основательностью и категоричностью, была непреклонна.

Илюха, и так засидевшийся на одном месте, глядя на такую вопиющую несправедливость, решительно встал из-за стола.

– Ты куда? – Тут же встрепенулась проницательная Соловейка.

– Пойдем до первого столика прогуляемся. Ты с княгиней пообщаешься, а я князю благодарность объявлю за его персональную руководящую и направляющую роль в деле борьбы с иноземными захватчиками.

– Слушай, но так же нельзя! – возмутилась Любава. – Есть же этикет, только он сам может пригласить к своему столу!

– Да ладно, что за условности? – отмахнулся Солнцевский, помогая выбраться Моте. – Видишь, в каком он состоянии? Будь Агриппина чуть менее категорична, он бы давно пропу-

стил чарочку, пришел бы в полное равновесие с самим собой и потребовал от меня подробного рассказа про наши очередные похождения.

Любава еще пыталась что-то возражать, но Илюха решительным шагом направился спасать свое начальство от глухой депрессии. Конечно, номинально «Дружина специального назначения» находилась в ведении воеводы Севастьяна, но он уже давно махнул рукой на это странное подразделение. Тем более что при каждой их встрече Изя, с присущей ему въедливостью, выбивал дополнительные ассигнования на поддержание боевого духа и прочую неподотчетную лабуду.

Мотя, с большим трудом выбравшись из-под стола (его габариты, стараниями всех членов команды, весьма увеличились в последнее время), радостно припустился впереди хозяина, но вдруг замер на полушаге.

Он увидел цель! Маленькая фигура за тронем, в засаленной рясе заставила Гореныша включить свои охотничьи инстинкты, практически прижаться к полу и осторожно, чтобы не спугнуть, начать красться к ней. Захваченная в прицел личность, заметившая такое к себе внимание, почувствовала себя очень неуютно и занервничала. Это был толмач, секретарь князя и бывший воспитатель княжны Сусанны дьячок Микишка, давний недруг мини-дружины.

Он с первого взгляда невзлюбил Солнцевского и его друзей, а уж когда стараниями этой компании его «кровинушка», княжна Сусанна, вышла замуж за Вилория Галицкого и покинула своего наставника, он вообще сконцентрировался на планах справедливой, по его мнению, мести. И если взрослые члены команды старались с ним просто не связываться, то маленький Мотя, сваливая все на свой возраст, платил Микишке той же монетой.

Вот и на этот раз он не отказал себе в удовольствии немного поразвлечься.

Крался Гореныш страшно и свирепо, то и дело попыхивая паром из ноздрей. Конечно, он не собирался кусаться (да ну его, он грязный и невкусный), но пугануть противного дьячка было всегда приятно.

– Князюшко, отец родной! Да что же это делается?! – завопил Микишка. – Где это видано, чтобы честного человека прямо на пиру всякой пакостью травили?

– Граам! – хором заявили все три головы и сделали вид, что сейчас бросятся в атаку.

Уж он-то точно знал, что Илюха в последний момент схватит его за ошейник, сделает вид, что держит, и немного поругает. Они всегда так делали.

Дьячок исчез, словно его сдуло ветром: Гореныша он боялся панически.

Берендей хотел что-то сказать для приличия, но только и смог, что махнуть рукой и пригласить Илюху с Любавой за свой стол. Трезвая депрессия, похоже, была в наивысшей своей точке.

Старший и младший богатыри не заставили себя долго упрашивать и по-свойски расположились за княжеским столом. Только вот Любава предпочла общество княгини, а Солнцевский уселся рядом с Берендеем и Вилорием. Мотя вообще воспринял приглашение по-своему и, кряхтя всеми тремя головами, залез под стол.

– Рассказывай... – хмуро выдавил из себя князь и с отвращением отодвинул кубок с клюквенным морсом.

Как заметил Илюха, на столе номер один горячительные напитки отсутствовали как класс.

Любава с Агриппиной тут же защебетали о чем-то своем и, судя по всему, начисто отвлеклись от мужчин. Осознав это, Илюха понизил голос и заговорщически нагнулся к Берендею.

– Может, по плоточку, так сказать, не ради пьянства, а токмо здоровья для?

– Издеваешься? – страдальческим голосом отозвался князь. – Так нету ж ничего, а подносить Груня не велела.

В ответ Солнцевский многозначительно похлопал себя по внутреннему карману куртки. Карман отозвался глухим, но очень приятным для истрадавшегося княжеского уха звуком.

– Нельзя, она заметит, – застонал Берендей.

Тут Солнцевский посмотрел на великого русского самодержца как на дите малое. Сразу видно, до боли сердца знакомая Илюхе табличка «Приносить с собой и распивать спиртные напитки запрещено» князю была неведома.

С совершенно невозмутимым видом старший богатырь ненавязчиво опустил свой кубок под стол. Уже спустя несколько секунд он был возвращен на свое законное место, но уже не с ягодным морсиком, а с чудесным Изиным первачом на березовых бруньках из любимой фляги Солнцевского. Илюха упорно таскал ее везде с собой, и не зря, как видите. Помочь своему князю в трудную минуту – первейший долг каждого богатыря!

– Гениально, – совершенно искренне резюмировал князь и одним могучим глотком освободил свою посуду от ненавистной безалкогольной жидкости.

Процедура повторилась. Вилорий, волею тещи также посаженный на сухой паек, не остался в стороне и подал Илюхе свой кубок.

– За победу! – поднял тост князь, после того как все приготовления под столом были закончены.

Возражений ни у кого не было, и весь зал дружно поднял кубки.

Агриппина удивленно посмотрела на внезапно повеселевшего мужа, внимательно осмотрела стол и успокоилась: спиртного на столе не было.

– За «Дружину специального назначения!» – спустя некоторое время решительно повторил Берендей.

Его настроение, до этого момента пребывавшее в глубоком минусе, прямо на глазах выправлялось, и правитель Киевской земли позволил себе расслабиться.

– Ну уважил! – протянул он, вольготно развалившись на троне. – Что же это за пир такой, коли ничего нельзя?

– Да не вопрос, – хмыкнул довольный Илюха. – Слава богу, опыт у меня в этом деле большой.

– Ну да, ты же из монахов, – с пониманием в голосе заметил Вилорий.

Уверять в обратном Солнцевскому было уже лениво, а объяснять, откуда действительно у него взялся опыт по розливу спиртных напитков под столом на слух, не хотелось. Да в свое время таких специалистов было пруд пруди!

– Давайте лучше по третьей, – нашел компромисс Илюха.

Как и следовало ожидать, возражений не последовало.

– Слушай, а как это ты так точно наливаешь? – удивился князь, глядя на кубки.

– Так по «булькам», – пожал плечами богатырь.

– По чему? – хором переспросили оба князя.

– Ну по «булькам», – пояснил Илюха. – Пять «булек» в самый раз.

Еще некоторое время они осознали услышанное, а осознав, дружно подняли тост за старшего богатыря и его команду.

Далее, как и следовало ожидать, разговор перекинулся на недавнюю выигранную битву. Илюха подробно рассказал о примененной военной хитрости и описал заслуги каждого из команды в этом деле. Берендею оставалось только кричать от удивления и восторга.

– Слушай, а Изя-то где? – спохватился князь.

– Пошел сведения собирать, – почесав стриженный затылок, совершенно честно признался Илюха.

– В государственных интересах? – тут же поинтересовался Вилорий.

– Конечно! – не моргнув глазом подтвердил старший богатырь.

– Вишь, какие у меня орлы на службе! – обратился к своему зятю изрядно повеселевший Берендей. – Даже на пиру расслабиться не могут, все о службе своей нелегкой думают.

Вилорий, знакомый с «Дружиной специального назначения» не понаслышке, только кивнул головой. В конце концов, именно этим ребятам он был обязан семейным счастьем и как следствием отсутствием войны между Киевом и Галичем.

– А я этим иноземцам так прямо и сказал, да такого спецподразделения не то что на Руси, во всем белом свете не сыскать! – разошелся князь.

– Не понял, каким еще иноземцам? – с некоторой опаской поинтересовался Солнцевский, чуть не сбившись при очередном подсчете «булек».

– Да понаехало тут в последнее время... – протянул Берендей. – То годами не дозовешься, а то прямо пачками прут. Тут тебе и поляки, и тевтонцы, и литовцы, а сегодня вон бухарцы прибыли.

– В общем, все НАТО в сборе, – хмыкнул в меру подкованный в политических вопросах Илюха.

– Чего? – настало время переспрашивать Берендею.

– Ну это когда много мелких, но противных соседей собираются вместе, чтобы не дать тебе спокойно жить, – как мог пояснил Солнцевский.

– Во-во, примерно так, – немного поразмыслив, согласился Берендей. – И, что интересно, все как один тобой и твоими ребятами интересуются. Кто такие, откуда взялись, на что еще способны?

– А ты что? – вскинул бровь Илюха, будучи явно не в восторге от такого внимания.

– А я им подробно и весьма красочно рассказал о ваших подвигах, – признался Берендей и осушил очередную порцию «на бруньках». – И про то, как вы нас с Галичем помирили, и про то, как Киев спасли, и про викингов этих окаянных.

Воспоминания о встрече с северными соседями заставили Солнцевского страдальчески поморщиться. Проблему с заблудившимися на могучих речных просторах викингами он действительно решил. Вот только здоровья на этом деле положил немерено. Шутка ли, пять дней пить с их ярлом! Да после этого Любава три дня отварами его отхаживала, и потом два месяца ни капли спиртного в себя поместить не удавалось.

– Честно говоря, в своем рассказе я приврал слегка, так сказать, для яркости повествования, – неожиданно признался Берендей. – Но это не ради красного словца, а для поддержания государственного престижа.

– Ну коли для престижа, то можно, – согласился с начальством Илюха.

Положа руку на сердце, такой интерес к его команде со стороны иноземщины начинал немного напрягать. Впрочем, Солнцевский привык решать проблемы по мере их появления, и поэтому он быстро отмахнулся от тревожных мыслей и приступил к очередному разливу чертова первача. Неожиданно в поле зрения появился сам производитель этого уникального продукта.

– Ваше самое что ни на есть высокое княжеское благородие! – резво начал Изя, обращаясь к Берендею. – Разрешите обратиться к старшему богатырю, Илюхе Солнцевскому?

Князь от такого обращения немного опешил, поэтому не смог достаточно быстро ответить. Впрочем, черту ответ и не требовался.

– Илюха, братан, есть дело на сто тысяч. Если дело выгорит, я тебе прощу, что ты на меня тогда наехал, – нагло заявил Изя, схватив Солнцевского за рукав, таким образом пытаясь вытащить его из-за стола.

– Ты чего, ошалел? – взвился Илюха. – Ты меня уже раз пять за это дело прощал!

– На, этот раз прощу окончательно, – не унимался черт, продолжая свое черное дело.

Солнцевский, по личному опыту зная, что в такой момент лучше с компаньоном не спорить, был вынужден сдаться. Он свистнул задремавшего Мотю и выбрался на оперативный простор.

– Так я пойду? – несколько запоздало поинтересовался богатырь у Берендея.

– Э... – протянул князь.

– Государственная надобность, – тут же пояснил Илюха. – А флягу я вам оставляю, потом вернете.

Этот аргумент оказался решающим, и Илюха, махнув рукой Любаве (мол, у меня все в порядке), проследовал за другом. Изя, глаза которого светились странным зеленым светом (и это несмотря на искусный морок!), не выпуская рукав Солнцевского, оттащил его в сторонку и затараторил:

– Илюха, это судьба! Таких глаз я не видел никогда в жизни. Но иногда прав бываешь даже ты, и мне просто необходимо посмотреть на нее всю, так сказать, в натуральном виде.

– Тебя чего, на стриптиз потянуло, что ли? – ничего не понял Солнцевский, – Так это вряд ли. Поверь мне, тут такого точно нет. Я в свое время все кабаки обошел!

– Тьфу ты, – поморщился Изя. – Стриптиз, конечно, вещь хорошая, но я сейчас не об этом! Ты что, забыл, что я влюбился?

– Слушай, ну это даже смешно... – начал было Солнцевский, но черт не дал ему продолжить.

– Солнцевский браток стал богатырем, не смешно? В тебя влюблен Соловей-разбойник, не смешно? У тебя вместо собаки в амбаре Змей Горыныч сидит, тоже не смешно? А влюбленный Изя, стало быть, ему смешно!

– Не Соловей-разбойник, а Злодейка-Соловейка, – чисто инстинктивно поправил Илюха. – И потом, какая любовь на службе?

– Ладно, ладно, – быстро остыл Изя. – Тебе на службе нельзя, а мне во внеурочное время можно. Короче, я все узнал: где живет, с кем, и сегодня ночью мы пойдем на дело.

– Мы? – не поверил своим ушам Солнцевский.

– Ну да, ты и я, – подтвердил абсолютно бессовестный черт. – Я проберусь в спальню Газели и совершу осмотр тела.

– А я что, свечку держать буду?

– А тебе остается сущая мелочь, – отмахнулся Изя. – Нейтрализовать охрану терема и еще двух евнухов у светелки. Для твоих способностей это будет нечто навроде прогулки перед сном.

– И...

– И таки не надо говорить, что ты откажешь другу в такой мелочи! – с характерным одесским выговором предупредил Изя отмазку друга.

То ли Солнцевский на данный момент маловато выпил, то ли лимит авантур на этот месяц уже оказался вычерпан, но такая прогулочка на сон грядущий старшему богатырю как-то не улыбалась.

– Слышь, Изя, ну куда мы на ночь глядя попремся? Да и пир в самом разгаре. Давай посидим, выпьем, а уж завтра утром и прикинем, что к чему. Глядишь, и придумаем, как разглядеть у твоей Гюльчатай что-нибудь поинтересней глаз.

Даже сквозь морок черт налился красной краской и запыхтел как паровоз перед отправлением.

– Ах вот ты значит как?! – набрав побольше воздуха, начал Изя. – Я для тебя рогов не пожалел, тружусь в поте лица, укрепляю благосостояние концессии, а он мне отказывает в такой мелочи!

– Изя... – попытался вставить слово Илюха, но черта уже было не остановить.

– Все, ты мне плюнул в душу! Вот я пойду туда один, паду, как герой на любовном фронте, а ты оставайся тут, пей, ешь и даже не вздумай вспоминать про своего бывшего друга и соратника!

С этими словами Изя бросился прочь, кипя от негодования. Однако уже в дверях он остановился и бросил напоследок:

– Да, можешь считать, что это мое заявление об уходе! Мне как будущему молодому не пристало просиживать штаны в «Чумных палатах»!

Сказал и окончательно умчался навстречу своей судьбе, оставив ошарашенного коллегу в одиночестве (если, конечно, не считать Мотю).

О попытке Изи уволиться Илюха ничуть не волновался. Черт слишком привык к их странной компании, да и барыши в составе дружины ему стричь было не в пример легче, чем без нее.

Солнцевский еще некоторое время смотрел ему вслед, а потом махнул рукой и решительно направился к столу, где кутили Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич.

Общество былинных богатырей как нельзя лучше подходило для милой сердцу гулянки с потреблением непомерного количества горячительных напитков.

Проходя мимо стола с представителями «Иноземной слободы», Солнцевский инстинктивно набросил на свое лицо зверское выражение и сжал кулаки. Судя по пробежавшему гулу, должное впечатление на «натовцев» ему произвести удалось.

Оставшееся время Солнцевский провел весело и вполне по-молодецки. Выпил море первача, съел гору всякой снеди, набил морду какой-то тыловой крысе и рассказал трем богатырям сюжет «Терминатора»-2. Так как программа-минимум была выполнена, он ничуть не сопротивлялся, когда Любава предложила ему пойти домой. Они растолкали мирно спящего в уголочке Мотю и отправились в «Чумные палаты».

* * *

Как и подобает после такого масштабного события, как пир, поутру у Илюхи были, мягко говоря, проблемы со здоровьем. Соловейка, смирившись на этот раз над своим непосредственным начальством, подняла его не классическим свистом, а всего лишь осторожно потрепала за плечо.

– Илюша, вставай, уже рассвело давно.

Сколько ни старались Солнцевский с Изей объяснить, что подниматься с рассветом – это непростительный грех и циничное насилие над своим организмом, но та была непреклонна и поднимала коллег засветло.

Илюха, попытавшись сконцентрироваться на том, что происходит вокруг, тихо застонал – сия процедура оказалась весьма проблематичной для многострадальной стриженной головы.

– Любава, изверг бессердечный, ну какого лешего ты меня разбудила, смерти моей хочешь? – наконец смог пролепетать Илюха, с трудом поднимаясь с кровати.

– Так завтрак на столе, – пожала плечами Соловейка.

Илюха потянул носом, и очередная гримаса пробежала по его лицу.

– Точно, хочешь, – под влиянием доносящихся из соседней горницы запахов был вынужден констатировать Илюха.

– Пить надо меньше! – сменив милость на гнев, брякнула Любава и обиженно отправилась прочь, бубня себе под нос что-то вроде: «я ему, а он... больше никогда в жизни... да чтобы я еще хотя бы раз...»

Илюха хотел сказать вслед Соловейке что-нибудь ободряющее, но данная процедура оказалась ему просто не по силам.

«Срочно надо принять лекарство», – мелькнула в голове спасительная мысль, и, собрав волю в кулак, Солнцевский направился на чердак.

Именно там находилась лаборатория ушлого черта. Да, да, Изя проявлял поистине феноменальные качества исследователя и естествоиспытателя, когда дело касалось его любимого хобби – самогоноварения.

Каких только рецептов не попробовал он, добиваясь все новых и новых оттенков вкуса и оригинальных букетов запаха своего первача. В этом деле ему охотно помогал местный домовый Феофан. Этот самый домовый обладал весьма сварливым характером, но постепенно коллеги привыкли к нему и стали воспринимать его как неизбежность. В конце концов, именно он разрешил поселиться этой странной компании в заброшенных палатах купца Свинына, которые в народе уже давно прозвали «Чумными».

Издав очередной стон, Илюха наконец добрался до заветного стеллажа, на котором стройными рядами красовались запечатанные бутылки. На самом видном месте среди этой стихии красовалась внушительных видов табличка с надписью:

«Выставочные образцы! Брать и тем более распивать в одиночку категорически воспрещается! Илюха, твою мамашу, руки прочь от народного достояния!»

– Все вокруг колхозное, все вокруг мое. Тоже мне, остряк нашелся, – хмыкнул Солнцевский и решительно сцапал первую попавшуюся под руку бутылку.

Не менее решительно была разрушена целостность упаковки. Осталось только найти подходящую емкость в качестве посредника между тарой и исстрадавшимся организмом.

– Ты что же, ирод, наделал? – раздался за спиной скрипучий голос домового. – Энто же божественный нектар, настоящий на черемуховом цвете!

Солнцевский, не отвлекаясь на пустяки, продолжал шарить взглядом по комнате в поисках желанного стакана.

– Эх, молодежь! Да разве можно такую вот красоту, да вот так, всуе, можно сказать на коленке, пить? – не унимался Феофан, помахивая в такт словам своими волосатыми ушами.

Наконец зоркий, но временно помутненный взгляд старшего богатыря отыскал желанный предмет, и нетвердой рукой он был наполнен до краев спасительным нектаром.

– Это утром, да еще один! – продолжал гундеть домовый.

Солнцевский простонал, перекрестился, залпом осушил лекарство и замер, дабы не спугнуть те процессы, которые уже были запущены в его исстрадавшемся организме.

– Говорю, что утром в одиночку пьют только такие вот лишенцы, как ты! – Голос домового уже звучал как обвинительная речь самого злобного прокурора.

Осознав, что обратного пути к утренним ужасам уже не будет, Илюха позволил себе выйти из «нирваны». Пошарив еще по комнате, он отыскал второй стакан и наполнил его до краев. Потом немного подумал и наполнил свой до половины.

– Выпить хочешь, так и скажи, – уже потеплевшим голосом заметил Илюха. – И нечего тут волну гнать.

– Дык я и говорю, а ты, бестолочь такая, ничего не понимаешь, – крикнул Феофан и ловко подхватил свою посуду. – Я так понимаю, что за здоровье?

– Угу, – вяло согласился бывший браток и чокнулся с домовым.

Спустя минут десять к столу спустился совсем другой человек. Бодрый, веселый и очень голодный. Чудесный запах, который исходил от вареников, делал последний момент особенно актуальным.

– Любава, ну того, не дуйся, что ли, – попытался исправить ситуацию Илюха. Как ни странно, в личном общении с Соловейкой он становился очень косноязычным. – Сама должна понимать.

– Ничего я никому не должна! – отрезала маленькая вредина.

Солнцевский собрался добавить еще что-то, но в его руку ободряюще ткнулся Мотя, а если быть точнее, то крайняя правая его половина. Илюха тут же отбросил все проблемы и выдал своему любимцу положенную утреннюю порцию ласки. Три пирожка, отправленные в

каждую из пастей милого чудовища, тоже стали традицией, и даже Любава, ведущая беспощадную борьбу с подкормкой Змея за столом (и под ним), уже смирилась с этим обрядом.

После соблюдения традиции Илюха решительно наполнил свою тарелку варениками и налил себе парного молока. Та скорость, с которой поглощалась еда, и то блаженное выражение, которое постепенно вырисовывалось на лице Илюхи, заставило каменное сердце Соловейки дрогнуть.

– Изе-то оставь, – наконец молвила она, глядя, с какой неизбежностью тает гора вареников.

– Да ну его, – хмыкнул Илюха. – Кто не успел, тот опоздал. К тому же он написал заявление об уходе.

– Чего? – не поняла Соловейка.

– Ну он вчера обиделся на весь мир вообще, и на меня в частности, а в знак протеста решил выйти из наших стройных, но немногочисленных рядов.

Любава с ужасом уставилась на Солнцевского, еще не понимая, верить ему или нет.

– Да ты не волнуйся, куда он денется с подводной лодки? – успокоил боевую подругу старший богатырь. – По моим расчетам наш герой-любовник уже должен утомониться и скоро появится здесь с повинной головой и с заявлением о приеме на работу.

* * *

Вот говорила когда-то маленькому Илюше его бабушка:

– Вспомнишь черта, он и появится. Ох как права была старушка.

Двери резко отворились, и в горницу ввалился безработный Изя во всей своей красе. Даже через морок просвечивал лиловый фингал под глазом, а одежда была в таком плачевном состоянии, будто бы он только что с боем вырвался из клетки с медведем нетрадиционной медвежьей ориентации.

– Любава, заткни уши! Илюха, они хотят меня кастрировать!

Чуть не подавившись очередным вареником, Солнцевский сумел взять себя в руки, напустил побольше флегмы и, подцепив вилкой очередной Любавин кулинарный шедевр, спокойно заметил:

– Вот видишь, до чего ты можешь людей довести.

– А что я сделал-то, собственно? – заверещал черт. – А они сразу такие решительные меры собрались применять. Ну там, в глаз дать или, скажем, из дома выкинуть, это куда ни шло, я не возражаю. А вот так кардинально – это перебор, я категорически против!

– Так что ты сделал? – вставила свое слово Соловейка.

– Да я всего одним глазком собирался посмотреть! – опять взвился Изя. – Чего им жалко, что ли? Причем заметьте, меня интересовало только лицо. Нет, ежели чего другое смог бы разглядеть, это тоже неплохо, но задумка была именно про лицо.

– Кстати, – хмыкнул довольный Илюха, добывая завтрак. – Сейчас уже не обрезают, это прошедший этап. Теперь замораживают и ломают.

– Дикие люди, варвары! – тут же заверещал черт, не оценив шутки. – Да они теперь меня на коленях будут умолять, чтобы взять в жены несравненную Газель, а я буду кобениться и сомневаться. А чего они хотят? Лица-то я так и не увидел.

Тут Илюха сложил эмоциональное выступление друга с теми смутными воспоминаниями на вчерашнем пиру, которые, как ни странно, остались в его голове, и резюмировал:

– Короче, тебя охрана этого талиба душманского сцапала.

– И ничего не охрана! – возмутился Изя, прикладывая к заплывшему глазу холодную ложку. – Мимо охраны я как раз проскользнул, а вот мимо евнухов не сумел.

– У тебя есть все шансы пополнить их ряды, – совершенно логично заметил Илюха.

– Ребята, а кто такие евнухи? – поинтересовалась Любава. – И почему так уж плохо присоединиться к ним?

Вместо ответа Изя глухо застонал.

– А действительно! – восторженно воскликнул Солнцевский. – Представь себе только на минутку. Всю свою оставшуюся жизнь ты проведешь в обществе твоей несравненной. А если прибавить сюда внушительное жалование и полный пансион, то картина вырисовывается просто шикарной.

– Ой, гости дорогие! – завершал черт. – Вот стоило несчастному Изе немного оступить, так этот изверг уже готов плясать на моем гробу ламбаду. Причем заметьте, поминки таки он наверняка собирается справлять на мои же деньги!

– Ну не на мои же, – пожал плечами Илюха. – В твоём будущем состоянии деньги, собственно, уже и не нужны.

– А ламбада что такое? – опять подала голос Любава.

Ответить своей боевой подруге не успел ни старший богатырь, ни средний. Притихший в уголке Мотя гулко запыхтел и выпустил сноп искр по направлению к двери. Заметивший это Изя завершал что есть силы, как-то подозрительно переходя на фальцет. Тренировался он, что ли?

– Илюха, не погуби! По гроб жизни тебе обязан буду!

Солнцевский, который и так собирался встать и разругать сложившуюся ситуацию, на мгновение остановился и с удивлением посмотрел на рогатого коллегу:

– Смотри, я тебя за язык не тянул.

– Да, да, не тянул, – быстро согласился Изя, подталкивая Солнцева к выходу. – Я и сам знаю, язык мой – враг мой. А собственноручно покончить с этим врагом рука не поднимается.

Илюха, после опохмела эксклюзивным экспонатом и сытного завтрака, восстановил гармонию внутри себя, любимого, и степенным шагом вышел во двор. За его спиной прятался Изя, а чуть погодя последовали Любава и Змей Горыныч. Конечно, Мотя, по своей привычке, попытался оттолкнуть всех и выбраться наружу первым, но тут же схлопотал затрещину от Соловейки и успокоился. Тем более что он точно знал, что без него веселье не начнут.

Во дворе «Чумных палат» нашу компанию ждали две весьма выразительные личности. Два огромных типа самой что ни на есть восточной наружности и колорита. Особой пикантности им добавляли два жуткого размера ятагана, которые они держали наизготовку. В дополнение к этому один из личных охранников Газели держал в руках портняжные ножницы, также совсем не гуманного вида и размера. Увидев их, Изя тихо заскулил и постарался до конца разборки вообще не участвовать в дискуссии. Мал, это его не касается.

Между тем один из евнухов решительно показал пальцем на могучую грудь Солнцева и писклявым голосом произнес.

– Ты, видеть, тебя чик-чик!

– Меня? – удивленно поднял бровь Илюха.

– Нет. За тобой чик-чик, – старательно подбирая слова, поправился говорун.

Илюха, будучи сегодня в весьма миролюбивом настроении, почесал затылок и начал стрелку:

– Э, ребята, где уважение к правилам, к закону? Разве так предьявы кидаются? И потом, вопрос о лишении нашего бойца немаловажного органа должен решаться при стрелке как минимум бригадиров, а не таких шестерок, как вы. Так что, ребята, забирайте ваши желе-

зяки, прихватывайте маникюрные ножнички и айда домой, смотреть утренний выпуск передачи «Спокойной ночи, малыши».

Два жителя Бухарского эмирата некоторое время переваривали ответ поодиночке, потом долго совещались на непонятном языке и наконец решительным (насколько это было возможно в их состоянии) тоном упрямо заявили:

– Он видеть, ему чик-чик.

Услышав такой ответ, надежно замаскированный черт нервно вздрогнул.

– Значит, по-хорошему не понимаете... – протянул Солнцевский, смачно потягиваясь и похрустывая косточками. – Тогда будет по-плохому.

Поначалу Илюха собирался сходить за своей любимой палицей. Этим чудным предметом он владел в совершенстве, тут, наверное, сказался опыт общения с бейсбольной битой в прежней жизни. Но в этот момент его организм, еще не до конца оправившийся от вчерашних возлияний, сказал свое решительное «нет». Он справедливо и вполне в доходчивой форме доказал хозяину, что ворочать тяжелое железо, прыгать, уворачиваться от ударов и падать он решительно не готов. Вот когда избавится от последствий пира, тогда пожалуйста, а сейчас ни-ни.

Солнцевский, привыкший полностью доверять самому себе, тут же переиграл ситуацию в свою пользу.

– Мотя...

Верный Гореныш тут же с осознанием своей правоты вежливо подвинул Любаву, подбежал к хозяину и преданно посмотрел на него тремя парами зеленых глаз. Илюха ласково потрепал каждую из голов и, зевнув, молвил:

– Фас.

Мотя, не ожидавший от хозяина такого подарка, резво развернулся к басурманам и плотоядно улыбнулся. Эта чудная улыбка особенно удавалась левой голове. Тут расслабленный хозяин о чем-то вспомнил и остановил Змея.

– Погоди-ка, – проговорил он.

Мотя устался на Илюху взглядом, полным недоумения пополам с обидой. Мол, вначале дал законную возможность порезвиться, а потом стой? Но Солнцевский, не замечая душевной травмы любимца, обратился к сторонникам кардинальной хирургии.

– Слышь, вы, урюки переспелые. Змей еще маленький, так что если кто-нибудь из вас его хотя бы оцарапает, то будет иметь дело со мной.

– И со мной, – охотно подтвердила Соловейка.

– И со мной, – вставил свое слово из-за спины Изя.

– А вот теперь фас! – махнул рукой Солнцевский.

Гореныш, еще не веря в свое счастье, быстро засеменил к противнику. Мало ли, а вдруг хозяин опять передумает? Когда еще честному Змею выпадет возможность официально кого-нибудь покусать.

Кстати, евнухи бились честно и яростно. Вот только отмахаться от Горыныча и не поцарапать его, было очень даже сложно. Зато Мотя порезвился на славу и совершенно заслуженно одержал победу. Кстати, как исключительно порядочный Змей, в самом начале действия он уравнивал шансы с соперниками. Его центральная голова наступила на горло своей лебединой песне, заняла нейтральную позицию и почти никого не кусанула. Только лишь один раз, когда враг бежал, она не удержалась и цапнула его за то место, которое оказалось к ней ближе всего. А то, что несчастный евнух теперь пару недель не сможет сесть, так тут виноват не Мотя, а исключительно стечение обстоятельств.

– Ну вот, правда и восторжествовала, – бодреньким голосом констатировал Изя, выбираясь из-за широкой спины друга. – А то с ножницами пришли, ветеринары недоделанные. Кстати, Любавушка, а что у нас на завтрак, а то у меня уже давно кишка с кишкою говорит. –

С этими словами как ни в чем не бывало Изя направился в дом, напевая вполголоса. – В эту ночь решили самураи перейти границу у реки... Так, я что-то не понял, а где мой завтрак?

Солнцевский, еще мгновение назад собиравшийся раскатать коллегу как шары в бильярде, сменил гнев на милость и, похлопав себя по животу, довольно ответил, предварительно подмигнув Соловейке:

– Твой завтрак в надежном месте.

– Нет, постойте, неужели бедному Изе отказано в кухне? Так я вам скажу, что так и нет! У меня молодой растущий организм, и мне просто необходимо усиленное питание!

– Изя, тебе же несколько веков, – напомнил рогатому Илюха, помогая Любаве ставить самовар.

– Это никому не нужные подробности и на суть дела не влияют, – нагло огрызнулся Изя.

– И потом, на довольствие в «Чумных палатах» поставлены только члены «Дружины специального назначения». А вы, гражданин с фингалом, вчера подали заявление об уходе из этой самой дружины.

На секунду Изя оторопел. Но за эту секунду он пришел в себя и обрушился на коллегу целым ворохом эмоций:

– Ой, если в пылу страсти бедный черт сболтнет лишнего, так это уже ему в личное дело записывают? Я был нетрезв, в бреду, и вообще у меня больничный. Так что прошу считать мое невольное высказывание безобидной шуткой, и готов приступить к непосредственным обязанностям богатыря в мирное время. Я там, у бухариков, чисто случайно каких-то трав прихватил, так что новый первач я назову в честь моей любви: «восточное совершенство».

С этими словами Изя решительно поднялся из-за стола, лихо сцапал последний пирожок и, напевая про недобитых самураев, направился к себе в лабораторию. Спустя пару минут на верху раздался душераздирающий вопль.

– Илюха, мать, ты же эксклюзивный, выставочный образец прикончил! Разве можно столько пить по утрам?

Любава вопросительно посмотрела на старшего богатыря. Она, как женщина передовых взглядов, также не одобряла потребление самогона вообще, а по утрам в частности.

В ответ на этот взгляд Солнцевский только пожал плечами:

– Что я могу сказать... Феофана мы пару дней не увидим.

* * *

Победа была одержана, обмыта, похмелена, так что после всей этой суеты Илюха Солнцевский решил заняться своим самым любимым занятием, как на далекой исторической и временной Родине, так и в настоящие былинные времена. А именно: тихо и спокойно побездельничать где-нибудь в теньке. Для этого занятия как нельзя лучше подходила огромная скамейка рядом с баней, сооруженная по его же наброскам подмастерьями Захара.

Верный Змей тут же занял законное место подле хозяина и подставил ему свое пузо. Мол, все равно ничего не делаешь, так хоть своему любимцу доставишь удовольствие. Солнцевский ничего против такого поворота событий не имел и вяло, кончиком ноги, начал теревить брюхо Моти.

Так могло продолжаться довольно долго, но тут к этой идиллии присоединилась Соловейка. Она уже привела хозяйство в порядок и жаждала более героического проведения законного выходного. Так как горячительного на пиру Любава выпила раз в... дцать меньше своего непосредственного начальства, то ей явно не сиделось на месте.

– Ну что, так и будешь сидеть? – поинтересовалась черноволосая, устраиваясь рядом.

– Ну почему же... – явно через силу заговорил разморившийся Солнцевский. – К вечеру баньку затопим.

– И это все? – вскинула брови Любава.

– А что, мало? – удивился Илюха. – В зал-то наверняка никто не придет.

С этими словами он кинул на амбар свой усталый взор. В этом помещении уже довольно давно, со времен подготовки к таинству бракосочетания княжны Сусанны, размещался первый (впрочем, и единственный) спортивный зал на Руси. Туда, согласно графику тренировок, организованно ходило практически все русское воинство. Причем Солнцевский, изрядно обленившийся в последнее время, все чаще и чаще перекладывал обязанности тренера по бодибилдингу на Алешу Поповича.

Этот молодец настолько резво взялся за дело, что Илюха не без основания хотел в дальнейшем передать ему все это направление. А за собой оставить только тренировки по греко-римской борьбе, которые он до сих пор проводил с огромным интересом и задором.

– А не надо было вчера пить столько, – тут же вставила свое веское слово Соловейка. – Вели бы себя вчера поприличней, глядишь, и тренировку отменять не пришлось.

С одной стороны, как личный тренер Любавы, Солнцевский должен быть рад такой тяге к совершенствованию мастерства, но с другой... Как человека нормального, такая активность после законного пира его несколько раздражала.

– Слушай, ну чего ты волну гонишь? – усталым голосом начал Илюха. – Ну что, каждый день, что ли, мы басурман бьем? Заслужили, небось, пару денечков отдыха. Вот сейчас отдохнем, двенадцати часов дождемся, еще разок осторожно похмелимся, в баньке попаримся и примемся опять врагов гонять. И потом, должны же мы были отметить твой первый полет?

Судя по всему, покорение воздушного океана далось Любаве тяжело. Так что при упоминании о полете она недовольно поморщилась и предпочла перейти на другую тему.

– Я не поняла, а зачем ждать двенадцати часов?

– Ну так... – буквально на мгновение замялся богатырь, вспоминая логику его сложного времени. – До двенадцати вроде как неприлично, ну а после ничего, можно.

– А нельзя ли... – принялась за свое Соловейка, безуспешно старавшаяся привить в «Чумных палатах» трезвый образ жизни.

– Нельзя, – отрезал бывший браток. – А то никаких сил на подвиги не хватит.

Тут Любава открыла было рот, чтобы доходчиво, с наглядными примерами пояснить все достоинства своей точки зрения, как на горизонте появился Изя, посверкивая своим синяком. Прямо надо сказать, вид у нашего домашнего черта был неважнецкий.

– Не мой сегодня день, – констатировал Изя, усаживаясь рядом с друзьями. – Лица ненаглядной не увидел, по морде получил, чуть было самого главного в жизни не лишился, так еще и шедевр не получается.

Положа руку на сердце, свои шедевры Изя гнал в соавторстве с домовым Феофаном, а так как тот пребывал в некондиционном состоянии, процесс у черта не пошел.

Еще немного времени вся команда просидела в тишине, каждый думал о чем-то своем. Наконец первым вынес на свет божий свои мысли Илюха.

– Слушай, Изя, а что, черти женятся?

– Не понял... – протянул Изя, сбрасывая с себя полудрему. – Это что, наезд?

– Да нет, просто восстановление пробелов в образовании, – пожал плечами Солнцевский.

– А мне кажется, что в тебе заиграл великодержавный шовинизм, – вдруг ни с того ни с сего завелся черт. – А ты сам-то как думаешь? Дети-то откуда появляются? Или, по-твоему, что, у меня родителей не было?

– Да были, были... – примиряюще заметил Илюха. – Я вспомнил, они еще веселые были, раз Изей прозвали...

– Изей, просто так не назовут, – резонно заметила Соловейка.

Тут практически на ровном месте мог возникнуть небольшой скандалчик, но задремавший было Мотя заворчал, со вздохом перевернулся со спины и выпустил в сторону ворот предупредительную порцию пара. Отдых после завтрака – это, конечно, святое, но забывать о своих непосредственных обязанностях Змей не собирался. Профессионализм, знаете ли!

В подтверждение Мотиных телодвижений в ворота кто-то робко заскребся. Конечно, княжеские богатыри, презрев суеверия и условности, давно уже переступили через свои страхи и заходили в «Чумные» смело, но это, так сказать, была элита киевского общества. Обычные же обыватели помнили, какой ужас на окружающих наводил вконец одичавший Феофан до того, как сюда вселилась «Дружина специального назначения», и войти вовнутрь не спешили.

– Любава, сходи, а... – протянул Илюха, с трудом представляя, что ему придется встать с заветной лавочки.

– Еще чего! – тут же взвилась Соловейка и демонстративно вздернула свой курносый носик.

– Даже не думай, – на всякий случай предупредил Изя. – Я вообще раненый при исполнении, так что мне молоко за вредность надо дать.

– Во второй глаз тебе надо дать, – буркнул Илюха и, призвав себе на помощь остатки сил, с трудом встал со скамейки и направился к воротам.

Верный Мотя, справедливо рассудив, что его хозяину ничего не угрожает, предпочел продолжить прерванную дрему.

– Ну? – вполне емко, а главное понятно поинтересовался Илюха у трясущегося от страха посыльного, обнаруженного за воротами.

– Берендей... – начал свой рассказ молодец и тут же сбился с заданного ритма.

Илюха сжалился над ним и решил немного помочь наводящими вопросами.

– И что?

– Вас...

– Зачем?

– Слобода...

– Иноземная?

– Да...

– Жалуются?

– Очень...

– Может, завтра?

– Так палач, плаха... Серчает в общем, – выдал посыльный невероятно длинную для данной ситуации речь.

– Будем, – подвел итог беседе Солнцевский и затворил ворота.

Честно говоря, князя Илюха не боялся. Берендей был нормальный мужик, так что с ним найти общий язык можно было всегда. А вот затраченных на это сил было жалко. Только жизнь стала налаживаться, скоро двенадцать, а тут вставай, надевай форму (это при такой-то жаре!) и дуй во дворец. И все это по вине несколько увлекшегося личной жизнью коллеги.

– Вставай, лишенец! – буркнул черту Илюха, вернувшись к заветной, но недоступной скамейке. – Из-за твоих ночных походов нас Берендей на ковер зовет.

Изя, судя по всему, также не настроенный на прогулки, аж подпрыгнул с насиженного места.

– А чего сразу из-за меня-то? – перешел на повышенные нотки черт.

– А из-за кого? – не остался в долгу Солнцевский, хотя его большая голова тут же дала о себе знать, и в мягкой матерной форме предложила заткнуться. – Сказали, что из «Иноземного посольства» жаловаться приходили.

– Так, может, это из-за тебя! Али забыл, как ты на девятое мая порезвился? – продолжал гнуть свое черт.

– Он сам виноват! – несмотря на внутренний конфликт с многострадальной головой, был вынужден обороняться Солнцевский. – Вона, во всех цивилизованных странах, типа Турции и Египта, туроператоры настойчиво предлагают туристам из Германии в этот день тихонечко сидеть в номерах и не высовываться наружу! А он, вместо того чтобы послушаться умных людей, нацепил свои висюльки, поперся ночью в кабак. Так кого будем в этом винить?

– А зачем ты у него шлем отобрал? – не унимался Изя.

– Так по законам военного времени в качестве трофея, – резонно пояснил свои действия Илюха.

И только тут оба спорщика наконец-то поняли, что в пылу эмоций явно сболтнули лишнего. Любава с очень выразительным выражением лица сидела напротив и внимательно смотрела на коллег. И прямо сказать, взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

– Так, значит, вы тогда прогулялись по ночному Киеву и сразу пошли спать? – довольно тихим голосом поинтересовалась Соловейка.

– Можно сказать и так, – под напором улик был вынужден признать Солнцевский. – Так, зашли в одно местечко пропустить на посошок...

– А шлем с рогами он, стало быть, сам вам подарил...

– Да, практически сам, – начал сдавать свои позиции Илюха, вспоминая рогатый тевтонский шлем, висящий сейчас над его кроватью в качестве трофея, " добытого в бою.

Тут Любава многозначительно вздохнула, сверкнула глазами и поудобней уселась на скамейке.

– Ну давайте, – наконец молвила она.

– Что? – не поняли друзья.

– Рассказывайте давайте, – пояснила Соловейка и приготовилась слушать.

Тут, наверное, чтобы все встало на свои места, стоит перенестись на месяц назад, за день до срочного отбытия «Дружины специального назначения» на текущую войну. Думаю, что с нашим опытом по перемещению во времени такая малость у нас получится легко и непринужденно.

* * *

В то знаменательное утро все обитатели «Чумных палат», как обычно, проснулись по свистку Любавы. Такая побудка стала уже традицией, и даже вечно недовольный Изя потихоньку смирился с небольшой слабостью Соловейки. Тем более что к этому моменту на столе уже находился обильный и очень вкусный завтрак. Как это удавалось Любаве, друзья до сих пор понять не могли, но ценили и всячески поощряли ее такой незаменимый талант.

Вот и на этот раз приятелей ждали чудесные ватрушки, яичница со шкварками, пироги с визигой, каша по-гурьевски и еще несколько видов пищевых добавок. Именно так ребята называли всяческие соленья, грибочки, кисели, компоты и другие неосновные блюда.

Многовато для завтрака, скажете вы? Так не забывайте, это же заправлялись не простые люди, а богатыри! Мало ли чего может произойти в течение дня? Вдруг война или еще более неотложное дело, а что это за богатырь, коли у него в животе пусто? Смех, да и только. Именно поэтому все члены команды с удовольствием уплетали снедь, ничуть не беспокоясь о странных условиях, сложившихся в далеком двадцать первом веке.

Мотя, так же получивший свои законные три тастика вкусностей, поглощал их содержимое с невероятной скоростью. Расчет Змея был прост: надо побыстрее покончить со своим завтраком и занять свое любимое место под столом, в ногах у хозяина. А уж там для него наступит время десерта. Илюха, обожавший своего любимца, обязательно начнет переправлять под стол

пирожки и прочие лакомства. И не то чтобы он был голодным, просто этот нехитрый процесс доставлял ему неописуемую радость.

Конечно, тут можно схлопотать от Любавы, она, видите ли, против, чтобы его прикармливали у стола, но тут уж ничего не поделаешь. На то и шука, чтобы карась не дремал.

– Ну что, какое у нас на сегодня праздничное меню? – поинтересовался насытившийся Солнцевский, отправляя в рот предпоследний пирожок (последний, естественно, достался Изе).

– Что? – не поняла Любава.

– Чем побалуешь нас сегодня? – подхватил эстафету черт. – Праздник как-никак.

– Какой праздник? – совершенно искренне удивилась Соловейка.

– Ты что, издеваешься? – обиженно отозвался Илюха. – Так Девятое мая, День Победы.

– Кого над кем?

Солнцевский запыхтел, полный праведного негодования:

– Ну молодежь пошла, ничего святого! Отцы наши и деды до последней капли, а ты!

– Не заводись, – остудил друга Изя. – Не забывай, когда она родилась. Она просто не могла знать о Дне Победы, а мы заранее не удосужились рассказать о нем.

Солнцевский понял, что был не прав, но все равно надулся. Для него, как и для большинства нормальных людей в его временной родине, этот день был поистине народным праздником.

Между тем Изя как мог, вкратце рассказал Любаве историю сего знаменательного события. Соловейка, конечно, была в общем и целом в курсе, откуда на нее свалились компаньоны, но тем не менее каждый раз не переставала поражаться их удивительному времени.

– Ну так вот... – подошел к концу своего повествования Изя. – И тогда весь народ собрался и навалил фашистам по полной программе.

– А кто такие фашисты? – решила все-таки уточнить Соловейка.

– Ну немцы, – пояснил черт.

Судя по выражению лица Соловейки, данные пояснения не пролили света на это дело давно грядущих дней.

– Ну германцы, если тебе будет приятнее, – хмыкнул Изя.

– Тевтонцы! – радостно встрепенулась Любава. – Тогда все ясно. Мне тоже этот праздник нравится!

Оба бывших жителя двадцать первого века облегченно вздохнули.

– Так, и что же вам приготовить особенного? – перешла в материальное русло бывшая разбойница.

Илюха с Изей переглянулись и надолго задумались. Хозяйка «Чумных палат» в последнее время находилась в прекрасном расположении духа и, вследствие этого, всячески баловала членов команды. Надо признать, что готовить у нее получалось гораздо лучше, чем шалить на большой дороге, и только чуть похуже, чем свистеть (в плане свиста она была вне конкуренции). Так что удивить старшего и среднего богатырей было уже сложно.

Выход из этой странной ситуации нашел пронырливый Изя.

– Знаешь, это было бы нечестно по отношению к тебе, – начал черт. – Мы будем отдыхать, а ты у плиты париться?

– У печи, – автоматически поправила Любава.

– Не принципиально, – отмахнулся Изя. – А принципиально то, что в такой великий праздник ты тоже заслужила отдых от домашних забот.

– Точно, – подхватил Солнцевский. – Пойдем праздновать в кабак!

– В кабак? – вскинула брови Соловейка.

– Ну да! И ты отдохнешь, и мы расслабимся по полной.

– Может, все-таки не по полной? – робко поинтересовалась Любава.

– Не, надо по полной, – со вздохом констатировал Солнцевский. – Это святое.

– Ну раз святое, тогда пошли в кабак...

Любава была вынуждена согласиться с убойной логикой старшего богатыря, и пошла натягивать форменную косуху для торжественного выхода в свет.

Когда Соловейка заговорила про кабак, причем в единственном числе, она не учитывала менталитет Илюхи как выходца из многострадальной России конца двадцатого – начала двадцать первого века. Одним кабаком дело, конечно, не закончилось.

Уже на третьем Любава банально устала и, взяв у коллег честное слово, что будут вести себя прилично, отправилась домой, прихватив с собой Мотю. Горениш для приличия посопротивлялся, но потом позволил себя уговорить и с удовольствием составил ей компанию. Прямо надо сказать, такие походы по увеселительным заведениям Змея увлекал мало. Ведь горячительные напитки его не интересовали, а чешуйчатое пузо оказалось заполненным уже в первом же кабаке. В такой день даже Изя стал похож на человека и не жалел денег на загул.

И вот наконец настал тот момент, когда хозяин самого последнего питейного заведения, неубедительно сославшись на поздний час, с помощью трех смурных ребят огромных габаритов попросил друзей покинуть помещение. Солнцевский, еще не созревший для хорошей потасовки, для приличия побуянил, но позволил Изе себя успокоить, и коллеги выбрались на свет божий.

А вот света на улице уже практически не было. Теплый майский вечер давно отдал свои права ночи с ее тишиной и приятной прохладой.

– Ну что, домой? – сладко потянувшись, поинтересовался Изя.

– Что-то не хочется, – после некоторого раздумья ответил изрядно захмелевший Солнцевский. – Так хорошо гуляем, да и день еще не кончился.

– Так не последний же раз! – резонно заметил черт.

– Как знать... – философски протянул Илюха. – Скоро ведь на войну.

– Ну и что? – отмахнулся Изя. – Все равно же что-нибудь придумаем.

– Надо будет Любаве дать выступить. Что-то она у нас засиделась в последнее время.

– Не вопрос, – согласился Изя, – дадим нашей девчонке вволю порезвиться.

– Слушай, а давай в «Иноземную слободу» рванем! – встрепенулся Илюха, после некоторой паузы. – Мне недавно Добрыня рассказывал, что там кабак открылся до последнего посетителя.

– Чего?

– Ну там Европа, культура и прочая лабуда, – как мог пояснил Солнцевский. – Пока последний посетитель не уйдет, они не закрываются.

– Может, лучше домой? – осторожно предложил черт, все еще надеясь, что боевой день кончится спокойно.

Илюха после этих слов внимательно уставился на компаньона.

– Изя, а скажи мне по совести. Ты во время войны где ошивался?

– Не ошивался, а служил, – поправил друга черт и со вздохом был вынужден согласиться с Илюхой.

Уж коли нельзя загул предотвратить (а в случае с Солнцевским и небезопасно), то его надо возглавить.

– Ладно, чего уж там, пошли к иноземцам.

– Вот это другое дело, – тут же оттаял Илюха. – А то я уже о тебе стал думать черт знает что! Сам посуди, зовут Изей, а еще и Девятое мая отмечать не хочет... Подозрительно это все.

Черт что-то пробухтел про спортсменов вообще, про борцов в частности, и на нетвердых копытах, в облачении своего забавного морока, отправился очередной раз доказывать, что он «правильный Изя».

Кабачок и вправду оказался открыт, причем народу в нем было не так уж и мало. Друзья уселись в уголочке, заказали по стаканчику какой-то иноземной бурды и огляделись. В центре довольно внушительного зала шумно гудели ляхи, по углам отрешенно потягивали из своих чарок надменные литовцы. Впрочем, хватало и аборигенов. Неподалеку весело зажигала четверка подвыпивших богатырей из сотни Ильи Муромца, а за соседним столиком с бешеной скоростью уничтожали предложенные яства молодой купчик с приказчиками. Судя по всему, они только что прибыли в город и просто не успели перекусить в родном кабаке. Коллеги поприветствовали и тех и других, махнув им рукой.

– Вот видишь, не зря пришли, – довольно отметил Солнцевский, опрокидывая в себя очередную порцию шнапса. – Питье, конечно, отстойное, зато затемно не закрывают.

Изя, уже изрядно подуставший от бесконечного празднования, только кивнул в ответ. Долго Солнцевский в таком ритме не протянет, так что в недалеком будущем он вполне мог рассчитывать на мягкую кровать и богатырский сон. О неизбежном пробуждении он старался не думать. Тут колокольчики у входной двери нагло звякнули, и черт, больше инстинктивно, бросил взгляд на вошедших.

– О нет... – застонал Изя. – Только не это и только не сегодня!

Илюха тоже с любопытством повернулся на звук и замер.

На пороге данного заведения во всей своей невысокой красе стоял посол Тевтонского ордена в стольном Киеве в рогатом шлеме и рыцарском плаще до пят в сопровождении двух охранников. И все бы ничего, но его наряд был обильно украшен символикой рыцарского ордена, весьма схожей с символикой нацистской Германии.

Солнцевский, увидя такое кощунство, побелел, потом покраснел и уже после всего этого калейдоскопа медленно начал подниматься со скамьи. Изя тут же ярко представил, что последует за этим, и попытался вразумить старшего богатыря:

– Слышь, Илюш, он же посол. У него это... – тут черт несколько замялся, вспоминая нужный термин, – неприкосновенность, вот!

– Вот я его сейчас по этой неприкосновенности и приголублю. Эх, такой праздник испортил, фашист недобитый, – спокойно ответил Илюха, отстранив Изю, и не торопясь направился к вошедшим.

Черт попытался было сказать еще что-то, но потом махнул рукой и успокоился. А чего волноваться? И так ясно, что произойдет через пару минут. Слишком уж хорошо он изучил своего компаньона. И поэтому, чтобы не терять времени даром, Изя принялся разминать кулаки и копыта. Ну не бросать же, в самом деле, друга в беде? Хотя, кто попал в беду, это еще не понятно.

– Слышь, ты, гитлерюгенд, сам застрелишься или тебе лично голову открутить? – тоном, не предвещающим ничего хорошего, поинтересовался Солнцевский у оторопевшего посла.

– Я есть Фриц Геральд Леопольд Ульрих Витольд Вольф Киндерлихт, – гордо заявил посол, как только справился с растерянностью.

– Гитлер капут, Фриц, – констатировал Илюха. – В такой день надо дома сидеть и носа на улицу не высовывать, а не по кабакам шляться. В общем, ты попал!

Телохранители вполне адекватно оценили ситуацию и решительно встали между странным богатырем и Фрицем Геральдом Леопольдом Ульрихом Витольдом Вольфом Киндерлихтом. Они еще надеялись на мирное урегулирование конфликта. Наивные... Уж лучше бы они действительно сидели сегодня дома.

– Я не понимаю! Я посол!

– Мы мирные люди, но наш бронепоезд... – задумчиво пробурчал бывший браток, – сейчас даст залп.

После этих слов Илюха начал боевые действия. С самого начала он дал себе слово, что будет достойным подвига предков и расколошматит фашистскую гадину по всем законам военного искусства.

Первым делом чудесным апперкотом была проведена артиллерийская подготовка. После ее проведения одним охранником у врага стало меньше. И если бы не молниеносное вступление в войну союзников неприятеля, Илюха вполне смог бы рассчитывать на блицкриг.

Поляки и литовцы тут же ломанулись на помощь своему низкорослому коллеге.

– Ага! – поначалу даже обрадовался Солнцевский. – Союзнички по НАТО пожаловали...

Но союзники стали действовать весьма активно и даже начали теснить его в угол, что в планы богатыря явно не входило. Пришлось использовать тяжелое вооружение в виде дубовой скамьи. А что? По радиусу поражения со знаменитой «катюшей», конечно, не сравнить, зато эффект дает похожий. Стройные ряды врагов заметно поредели.

Изя, согласно военному договору о взаимопомощи, также был втянут в конфликт. И так как работать по профилю (то есть в службе тыла) в данный момент не было никакой возможности, черт решил уйти в партизаны. Первым делом он перерезал коммуникации, лишив противника тылов. Для этого вполне сгодился табурет, запущенный в стойку, которую весьма с большой натяжкой можно было назвать барной. Звон разбитой посуды был лучшим подтверждением его меткости.

После этого ушлый Изя взял под свой контроль господствующую высоту (все ту же барную стойку) и, окопавшись там, принялся вести артиллерийский огонь по неприятелю. Бутылки, горшки и прочая утварь вполне подходили на роль снарядов.

Старший и средний богатыри бились, как гвардейские части, но усиленные союзническими войсками вражеские полчища начали их теснить с занятых позиций. Вот уже Солнцевскому перекрыли путь к отступлению, еще немного – и он вполне мог оказаться в «котле». Да и господствующая высота уже была на пороге сдачи под ударами «антисолнцевской» коалиции. Нужно было срочно изыскивать свежие резервы.

– Ну а вы чего сидите?! – заорал Изя, обращаясь к замершим в оцепенении богатырям и заодно к купчику с приказчиками. – Али не видите, что мы на грани полного уничтожения?

– Ну так тут посол с его неприкосновенностью, – скрипя зубами от бессилия, прорывал один из богатырей.

– Ну и что? – взвился Изя, запустив в особенно резвого литовца горшок с кашей.

– Князь заругает.

– Так вы посла не трогайте, а остальных мочите, – подсказал самое верное решение Изя.

Такой поворот событий оказался всем по душе, и спустя мгновение в бой ринулись свежие, сытые, а главное тоскующие по хорошей драке резервы. Благодаря решительным и слаженным действиям всех фронтов, мощной огневой поддержке, а главное умелому руководству вскоре была одержана полная и окончательная победа.

Как и советовал Изя, посла никто не трогал, ну, кроме Илюхи, конечно. Но и Солнцевский, выпустивший пар во время боевых действий, был не шибко кровожаден. Так, попинал его легонечко в уголочке и сорвал плащ с фашистскими крестами.

Контрибуция с проигравшей стороны также оказалась весьма гуманной. Несколько бутылок шнапса, чтобы отпраздновать победу, и рогатый шлем Фрица Геральда Леопольда Ульриха Витольда Вольфа Киндерлихта. Его Солнцевский забрал в качестве личного трофея.

А на следующий день, несмотря на жестокий похмельный синдром, вся «Дружина специального назначения» отбыла на текущую войну, справедливо рассудив, что со временем страсти поутихнут, синяки исчезнут, а наказание от Берендея будет не очень суровым.

* * *

– Хороши, – только и смогла вымолвить Соловейка после этого рассказа. – Так вот почему вы из Клева чуть свет рванули, даже впереди основной дружины!

– Ну да, – был вынужден согласиться Изя.

– И потом, мы рассчитывали на эффектную и быструю победу. А, как всем известно, победителей не судят, – вставил слово старший богатырь.

– Судят, еще как судят, – ехидно заметила Соловейка, – просто не сразу, а чуть погодя.

– Похоже, это «погодя» уже настало, – хмуро пошутил черт.

– Ерунда, – хмыкнул Илюха. – Я вчера с князем за одним столом сидел, самогон стаканами хлестал, так он мне ни словом об этой проблеме не обмолвился.

– Так вы пили?! – взвилась Любава, полная праведного гнева и женской солидарности.

– Нет, о взлете японской философии в период цветения сакуры беседовали, – буркнул Илюха. – Ты не забыла, что у нас есть проблемы поважнее, чем борьба за трезвость в пределах отдельно взятого столика?

Соловейка надулась, и беседа коллег временно зашла в тупик. Некоторое время друзья помолчали, каждый думал о чем-то своем.

На этот раз первым подал голос Изя:

– Ладно, уж коли вы мне поручили вести наше собрание, подвожу итоги. У нас появились небольшие проблемы в общении с представителями «Иноземной слободы». Данное недоразумение могло произойти по двум причинам. Из-за моей временно безответной страсти или в результате пьяной выходки старшего богатыря, Илюхи Солнцевского.

– Помолчал бы! Тоже мне, герой-любовник, ходок по чужим гаремам, – не остался в долгу бывший браток.

– Хочу заметить, я заглянул на огонек не в гарем, а к совершенно невинной, то есть абсолютно незамужней девушке.

Наверное, Илюха с Изей надолго бы сцепились языками, но их прервала Любава:

– Ребята, нас могут вызывать по трем причинам.

Коллеги уставились на бывшую мелкоуголовную личность, не скрывая своего интереса.

– Между прочим, он сам нарвался! – вспыхнула Соловейка. – Я, как девушка честная, порядочная и беззащитная, просто не могла поступить иначе.

Ну по поводу честной и порядочной друзья возразить ничего не могли. А вот по поводу беззащитной...

– Не тяни резину, рассказывай, кого покалечила.

– И ничего я его не покалечила, к тому же он первый начал! – забурлила Любава.

– Рассказывай, – остановил ее Изя.

– За день до вашего Дня Победы... – начала было Соловейка, но Илюха строго поправил ее:

– Нашего.

– До нашего Дня Победы я на базар пошла. А там этот Альфонсо Чмоник ошивался с друзьями...

– Стоп, – решительно остановил ее Солнцевский. – А Альфонсо Чмоник – это кто?

– Посол польский, – тут же влез Изя. – Да ты его знаешь, наглый, как страус, да к тому же весь в перьях, как петух, типа для красоты.

– Как же, знаю, – согласился Илюха. – Такого разве забудешь? Только я не знал, как его зовут.

– Ну так вот, – продолжила Любава. – Я шла, никого не трогала, он меня хлопнул по по...

Тут Соловейка залилась густой краской и жутко смутилась. Несмотря на бурное прошлое и буйное настоящее, в некоторых вопросах она была чересчур щепетильна.

– Ну я ему и сказала все, что о нем думаю. А он заржал, словно лошадь, и ущипнул меня...

После этих слов Соловейка залилась краской еще гуще.

– А ты? – поинтересовался закипающий Солнцевский.

– А я ему мыском ноги по коленной чашечке.

– А он? – не остался в стороне от расспросов Изя.

– А он меня попытался по лицу ударить.

– А ты?

– А я бросок через себя с падением.

– А он?

– А он выхватил кинжал и на меня.

– А ты?

– А я подсечку и болевой в самое сокровенное место.

– А он?

– А он за лук схватился. Встать-то он уже не мог.

– А ты?

– А я ему всю морду расцарапала, – хмыкнула Любава и продемонстрировала коллегам весьма внушительные ноготочки.

– Класс! – практически хором воскликнули мужчины.

– Да ладно, чего уж там, – даже немного смутилась Соловейка, – любая девушка на моем месте поступила бы так же.

– Но не любую я обучал приемам самообороны, – торжественно заметил Солнцевский, явно гордящийся успехами своей ученицы.

– Слушай, а чего ты не свистела-то? – удивленно поинтересовался Изя.

– Так на базаре дело-то было! – возмутилась Соловейка. – Там же женщины, дети.

– Погоди-ка, – спохватился Солнцевский. – А ты в форме была? Ну в смысле, в косухе ходила?

– Нет, – призналась Соловейка и подозрительно шмыгнула носом.

– А зря! – отчитал подчиненную старший богатырь. – Будь ты в форме, вряд ли он к тебе полез.

– Так выходной же был, – начала оправдываться Любава, – и потом, на базар я, как правило, без куртки хожу. В обычном сарафане я незаметная, на меня и внимания-то никто не обращает!

Тут друзьям оставалось только крикнуть. Любава очень уж сильно недооценивала себя. Даже под мешковатым сарафаном и даже невооруженным глазом угадывались весьма выразительные формы.

– Знаешь, ты в город все-таки ходи в косухе, – потеплевшим голосом заметил Солнцевский, – ну или Мотю с собой бери. А вообще ты молодец, так этому Чмонику и надо. А я ему при встрече еще добавлю.

Любава, уловив теплые нотки в голосе Солнцевского, мило улыбнулась и окончательно успокоилась.

– Кстати о птичках, – встрепенулся Илюха и обратился к дремлющему в ногах Змею.

Гореныш, очнувшись ото сна, с удивлением уставился на хозяина.

– Надеюсь, ты, проглот трехголовый, никого из обитателей «Иноземной слободы» не слопал?

Неожиданно для всех Змейчик хлопнулся на землю и усиленно захрапел всеми тремя головами.

– Мотя... – сурово молвил Солнцевский. – Лучше чтобы я узнал от тебя, чем от Берендея. Неужели и вправду съел кого-то?

Гореныш тяжело вздохнул и под тяжестью возложенных обвинений был вынужден проснуться. Ну да, и у него было рыльце в пушку, а точнее три рыльца. А, между прочим, посол княжества Литовского Курвель Вражинас сам на неприятности нарвался! Мирный Змей Горыныч, самого что ни на есть юного возраста и миролюбивого нрава, скромно отработывал за городом мастерство полета на ноль-высоте, а этот тип вздумал на него охотиться! Даже чешую на плече поцарапал. Мало того, после мирного приземления Гореныша этот самый Курвель принялся травить его волкодавами. Ну не дикость?

Несмотря на такое варварство, вел себя Мотя очень даже прилично, хранил, так сказать, честь мундира и высокое звание члена «Дружины специального назначения». Никого не съел, не покалечил.

Волкодавов покусал немного и загнал в озеро остудиться. А браконьера злостного погонял чуть-чуть по болотам, а после подпалил самую малость. А то, что тот не догадался горящую одежду в ближайшей луже потушить, так это не Мотина вина.

Говорить Змеи-Горынычи не могли, но прекрасно освоили передачу мыслей на расстоянии (хотя и не очень любили делать это с людьми), так что весь этот несложный рассказ был прямехонько доставлен в стриженую голову Солнцевского. Тот уже перестал удивляться такому контакту со своим любимцем, поэтому реакция Илюхи была мгновенная.

– Значит так, малыш не виноват. А Вражинасу этому еще повезло, что Мотя мне сразу все не рассказал, живодер чухонский.

– Ага! – вдруг взвился Изя. – Любава права, Мотя не виноват, ты День Победы отмечал да законные трофеи брал, а я, значит, во всем виноват?

– Судьба у тебя такая, – резонно заметил Солнцевский.

– То есть я всегда крайний, что ли?

– А почему бы и нет? – пожал плечами Илюха. – У тебя что, от этого аппетит что ли испортится? Или я дал этим ребятам с ножничками тебе маникюр под самый корешок сделать?

– Да нет, – был вынужден признать Изя.

– Тогда не вопи, а иди собирайся. На ковер пора, – подвел итог разговора Солнцевский, со вздохом поднявшись из-за стола. – Надо же, не сговариваясь, практически одновременно испортили отношения с четырьмя посольствами. Вот уж воистину одна команда.

* * *

– И вообще, вы ведете себя, словно пьяные матросы-анархисты в семнадцатом году! – ревел Берендей, вышагивая вдоль строя проштрафившихся членов «Дружины специального назначения».

«Ого, а это откуда он взял? – пронеслось в голове Солнцевского. – Я, что ли, по пьяни чего ляпнул или Изя о бурной молодости распространялся?»

На выволочку князя Илюха особого внимания не обращал. А как еще может вести себя самодержец, коли за его спиной стоят ухмыляющиеся послы, бояре и совершенно счастливый Микишка? Только так, кричать, топтать ногами и грозить немедленным расстрелом в духе незабвенного Дзержинского. Ну ничего, пусть порадует окружающих, поиграет в ярость.

В этот момент главным для Солнцевского было не зевнуть. Уж что-что, а это было бы полным неуважением к монаршему гневу. Именно поэтому он стиснул зубы посильнее и принялся рассматривать носок своего сапога. «Кстати, надо будет на обратном пути к княжескому скорняку сходить и новые заказать».

Но тут надо признать, что не все члены команды отнеслись к данной экзекуции совершенно одинаково. Соловейка, с детства воспитанная в духе непременного уважения княжеской власти, была готова провалиться сквозь землю (в данном конкретном случае конечно же сквозь пол). Она твердо была уверена, что после такого нагоняя в лучшем случае их подразделение расформируют, а их выгонят из города. А в худшем... Тут воображение Любавы рисовало совсем мрачные картины в виде темницы, палача и совершенно негигиеничной плахи.

Чтобы окончательно не выпасть в осадок, она мертвой хваткой вцепилась в локоть Солнцевского и, постоянно шмыгая носом, приготовилась стойко и мужественно выслушать приговор.

Изя вообще не видел и не слышал князя. В настоящий момент для него существовала только несравненная луноликая Газель, которая выглядывала из-за спины своего грозного родителя, игриво бросая взгляды на своего воздыхателя. В том, что смотрит она именно на него, черт ни капли не сомневался. Да и на кого, собственно, в этом зале ей было обращать внимание, не на Солнцевского же? Тем более что в последнее время свой обычный морок в виде некоего румяного мальчиша-плохиша Изя несколько подкорректировал в сторону увеличения героического начала. Ну там плечи пошире, подбородок потверже и прочие атрибуты настоящего мужчины.

«Эх, мне бы ее хоть разок увидеть, а уж тогда и сватов можно будет засылать, – вертелась в голове черта навязчивая мысль. – Интересно, а Солнцевский согласится в сваты пойти? Впрочем, кто его спрашивает, пойдет как миленький!»

«А вот вопрос с приданым я буду решать сам, – продолжал про себя рассуждать черт. – В таком деле Илюхиного нахрапа мало, тут нужно дело повести тонко, как умею только я. К тому же траты предстоят немалые. И если свадьбу я стрясу с тестя, то новый дом предстоит строить мне (естественно, на его деньги), ну не приводить же молодую в „Чумные палаты“? Там княжеские богатыри в спортивный зал шастают. Да и Солнцевский после бани любит в одной простыне, обмотанной вокруг пояса, по дому погулять. А такое зрелище стеснительной Газелюшке лучше не видеть».

Вот такие мысли бродили в рогатой голове черта, и лишь обличительные речи Берендея несколько отвлекали от радужных дум.

И наконец, последний член команды – Гореныш Мотя. Рассудительный Змей занял место рядом со своим хозяином и делегировал на прослушку Берендея левую голову. Именно она внимательно следила за князем, строила полное раскаяние и охотно кивала в знак согласия с правителем Киева. А остальные две головы, свободные от этого почетного, но безумно скучного занятия, развлекались отловом мух, благо их в помещении хватало на всех.

Головы замирали, дожидаясь, пока крылатое насекомое подлетит поближе, и ловко класали пастями. Есть мух было неинтересно и противно, так что после небольшой паузы они отпускались на волю. Играли головы, естественно, на счет и к моменту завершения выволочки с небольшим отрывом вела средняя голова.

– Моя воля! – прогремел Берендей, изрядно уставший от всего происходящего. – До моего дальнейшего распоряжения «Дружина специального назначения» отстраняется от несения службы.

Илюха пожал плечами, очередной раз победив пытавшийся вырваться наружу зевок. Соловейка что есть силы вцепилась в локоть Илюхи, чтобы не грохнуться в обморок. Изя послал очередной взгляд, полный истинной любви, в сторону несравненной Газели. А Мотя сравнял счет в соревновании с самим собой.

– А теперь все свободны, – подвел итог разбору полетов Берендей.

Все присутствующие не торопясь потянулись к выходу. Представители посольств были весьма удовлетворены увиденным и не скрывали своего торжества. Но особенно был счастлив Микишка. Такой победы над ненавистной компанией у старого дьячка не было еще никогда.

– Солнцевский! – до глубины души знакомым голосом Броневого из «Семнадцати мгновений весны» вслед уходящим бросил Берендей. – А вас я попрошу остаться!

«Надо завязывать с пересказами фильмов, – подумал Илюха, с трудом отрывая от себя Соловейку и перевешивая ее на руку Изе.

Наконец это сложное мероприятие удачно завершилось и малый тронный зал опустел.

– Выпить хочешь? – устало поинтересовался Берендей. – А то у меня горло пересохло, да и после вчерашнего еще не поправлялся.

– Давай, – охотно согласился Илюха, вольготно располагаясь на скамье, – а то у меня от твоего разноса даже голова заболела.

Князь хмыкнул и достал из тайника под тронном бутылку первача и пару кубков. Посуда тут же была наполнена до краев и так же решительно опустошена.

– Надеюсь, ты на меня не дуешься? – поинтересовался князь, вновь наполняя кубки.

– Да ладно, нечто я без понятия? Работа такая.

– Во-во, – обрадовался Берендей. – Но вы сами хороши, такую кашу заварить. Ну одно дело, ну два, это я мог бы замять. Но четыре! Я когда эту совместную делегацию поутру увидел, чуть не ошалел. Да в жизни не было, чтобы тевтонцы вместе с литовцами челом били. Да и поляки сейчас с ними со всеми в прохладных отношениях. Про бухарца этого я вообще молчу.

– Кстати о бухариках, – встрепенулся Солнцевский и поднял кубок. – За справедливость!

– Согласен, – с удовольствием наложил свою резолюцию Берендей.

Мужчины немного посидели молча, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Между прочим, они сами нарвались, – заметил Илюха, уже пришедший в полное равновесие с самим собой.

– Не сомневаюсь, – как-то уж очень быстро согласился князь, – но они все-таки послы, с ними так просто нельзя, лица неприкасаемые.

– Ладно, будем сложно, – согласился Илюха, прикидывая в уме планы возможной и очень сложной мести иноземным ябедам. – Кстати, ты нас надолго распустил?

– Думаю, на пару неделек, – пожал плечами князь, – раньше они не успокоятся. Так что будем считать, что вы в очередном отпуске.

– А отпускные? – тут же поинтересовался старший богатырь, – А то меня Изя со свету белого сживет.

– Вам за удачное дело в Галиче премия положена, так что можешь зайти к казначею, – мудро разрешил ситуацию князь. – Только ты уж постарайся хотя бы в ближайшее время с «Иноземной слободой» дела не иметь.

– Сдалась она мне, – буркнул старший богатырь, протягивая на прощание руку. – Ладно, в ближайшее время трогать не буду, а дальше видно будет.

* * *

Вся компания ждала Илюху в «Чумных палатах». Мотя философски дремал в уголке, Изя задумчиво втирал в свои рога мазь для их усиленного роста, а Соловейка паковала вещи.

– Ты куда-то собралась? – удивился Солнцевский, усаживаясь в кресло.

– Так в ссылку или в темницу, – пояснила Любава, продолжая собираться.

– А... – протянул бывший браток и обратился уже к черту, – а ты чего ее не успокоил?

– Пробовал, не получилось, – пожал плечами Изя, продолжая втирать мазь в рога.

– Любава, сбор вещей отменяется.

– Почему? – удивилась Соловейка. – Нас что, сразу казнят?

– С чего нас казнить-то? – искренне удивился Илюха.

– Так Берендей сказал, что мы вели себя как матросы-анархисты в семнадцатом году. Кстати, а как они себя вели?

– Да в общем плохо они себя вели, – почесав затылок, признался Илюха. – Но даже их расстреляли не всех. Так что нам бояться нечего.

– А расформирование дружины? – с ужасом в голосе поинтересовалась Соловейка.

– Слушай, Любава, вроде раньше ты такой паникершей не была, – заметил Изя, на мгновение оторвавшись от своего странного занятия.

– А раньше у меня не было ни такого дома, ни такой работы, ни таких друзей, – вполне честно призналась бывшая разбойница, – и сейчас мне действительно страшно все это потерять.

Друзья удивленно переглянулись, и Солнцевский поспешил успокоить Соловейку:

– Любавушка, ты не волнуйся, все в порядке. Будем считать, что у нас заслуженный отпуск после успешно проведенной операции. От нас требуется только посидеть пару неделек спокойно, и всего делов.

– А деньги? – тут же встрепенулся Изя.

– Нам полагается премия, так сказать, за прошлые заслуги. Конечно, к казначею мог бы зайти и я, но решил предоставить это удовольствие тебе. Думаю, что сия процедура у тебя получится лучше.

– Конечно, лучше, – обрадовался черт. – Кстати, сумма оговаривалась?

– Нет.

Ответом Солнцевскому послужил хищный оскал зверя, почувствовавшего кровь. Уж что-то, а безденежье команде в ближайшее время не грозило.

– Но вот с походами по Гюльчатаям придется завязать, – строго опустил на землю коллегу Илюха.

– А может быть...

– Нет, – отрезал старший богатырь. – Вот амнистия нам выйдет, тогда и порезвишься.

Повеселевший было Изя тут же сдулся и, насупившись, продолжил мучить свои много-страдальные рога.

– Так значит, вещи распаковывать? – подала голосок Любава.

– Конечно.

Соловейка тяжело вздохнула и в изнеможении опустилась на скамью.

Илюха внимательно посмотрел на свою команду. Да, похоже, без срочного вмешательства боевой дух станет не просто нулевым, а примет отрицательное значение. Нужно срочно что-нибудь предпринять. И если с Соловейкой как с женщиной все более-менее ясно, то вернуть к жизни Изю будет трудновато. Хотя...

Тут в стриженую голову бывшего братка пришла гениальная мысль, и, чтобы ее не спугнуть, он тут же принялся душить зародыши депрессии на корню.

– Значит так! – командирским голосом выдал Солнцевский. – Слушай мою команду!

Его непосредственные подчиненные с некоторым интересом уставились на него. Даже Мотя, успевший уже провалиться в глубокий сон, тут же проснулся и призывно замахал хвостом.

– Любава, возьми побольше денег и отправляйся в торговые ряды. Даю тебе задание закупить себе побольше красивых шмоток и вечером продемонстрировать их нам с Изей.

Глаза Соловейки снова зажглись знакомым огнем, и она тут же поинтересовалась:

– А можно я вместо шмоток накоплю себе красивых вещей?

Вместо ответа Илюха просто махнул рукой. Мол, покупай, что хочешь. Наверное, такой приказ от непосредственного начальства мечтает получить каждая женщина. Соловейка исключением не была и тут же Оросилась его выполнять.

– Только Мотю перед уходом не забудь покормить! – кинул ей вслед Солнцевский.

- Он кормленный, – раздалось издалека.
- Ничего, сегодня можно его побаловать вторым обедом.

Мотя, услышав эти слова, тут же издал радостное стрекотание, подмигнул хозяину и со всех лап рванул отлавливать свою кормилицу.

Теперь настала очередь Изя. Увлечь старого черта чем-то новым было непросто.

- Слушай, может, по пиву сегодня после баньки?
- Э... – обалдел от такого начала черт.
- Холодненькое, пенное, с воблочкой, – продолжил гнуть свое Илюха.
- Так вроде пиво еще не изобрели? – наконец обрел голос черт.
- А ты на что? Изобрети! Пора тебе примерить на себя фартук пивовара, а то от такого количества самогона у меня уже изжога.

Изя хотел что-то возразить, но осекся и мечтательно закатил глаза. Видение запотевшего пивного бокала с шапкой пены наверху и бегущей по стенке самой проворной капелькой, которое тут же пришло ему на ум, оказалось как нельзя красноречивее.

- Ну я не знаю...
- А не надо знать, надо пробовать!

Черт еще немного посомневался, а потом решил и резко поднялся с насиженного места.

– Феофан! Просыпайся, дело есть, – тут же начал вербовку помощников Изя, зная, что старый домовый равнодушен к производству алкогольной продукции.

- Не ори, – тут же раздалось из-за печки, – иду.
- Спустя мгновение на свет божий появились лохматые уши, а потом и весь домовый.
- А что такое пиво-то?

Илюха переглянулся с Изей и совершенно искренне ответил:

- Это божественный напиток.
- А мне понравится? – с сомнением в голосе поинтересовался Феофан.
- Несомненно, – тут же отрезал Изя. – Кстати, у нас ячмень есть?
- Есть, – буркнул домовый.
- Так неси, чего сидишь?

Обычно старый ворчливый домовый не терпел такой фамильярности, но перспектива поучаствовать в создании божественного напитка перевесила, и, проворчав что-то себе под нос, он отправился в кладовую.

– Губит людей не пиво, губит людей вода! – промурлыкал себе под нос черт и собрался было отправиться в свою лабораторию на чердаке, но его остановил бывший браток:

- Слушай, а чем это ты рога мазал?
- Это специальная мазь для быстрого роста рогов, – неохотно ответил Изя и продемонстрировал практически восстановленные в былом размере рога.
- А откуда ты ее взял? – удивился Солнцевский.
- Во время прошлого турне на временную родину прихватил. Между прочим, бешеные бабки стоит, на самолете из Испании привезли.
- Не понял, а при чем здесь Испания-то?
- Это и не удивительно, ты же у нас неоднократно стукнутый о маты, – больше по привычке пробухтел черт. – Там молодым бычкам, что для корриды выращивают, этой мазью рога мажут. Вот я и подсутился перед тем, как вернуться.
- Вообще-то рога... – начал было Солнцевский, но Изя его тут же прервал:
- Только таки не надо сейчас пытаться шутить про мою личную жизнь, – отрезал средний богатырь. – И вообще, много ты понимаешь в красоте чертей?

Ответа на такой с первого взгляда простой вопрос у Солнцевского не оказалось.

* * *

Что ж, команда в порядке, теперь можно было подумать и о себе. Как-никак две недели вынужденного безделья впереди. Против этого самого безделья Илюха совсем не возражал, но собирался слегка разнообразить его. Солнцевский поудобнее устроился на широкой скамье рядом с банькой и призадумался.

Так, чего не хватает для полного счастья? Работа – просто супер, денег – немерено, интерес к жизни – бьет ключом, друзья – дай бог каждому. От такого откровения с самим собой Солнцевский озадаченно почесал затылок и решил зайти к проблеме с другой стороны.

Что такого он имел в далеком будущем, чего недостает сейчас? Мобильника? А с кем говорить-то?

Джипа? Так после того, как общими усилиями была максимально модернизирована повозка (названная впоследствии «Нью-Паджеро»), проблем с перемещением уже не было. Тем более что правила лошаадьми исключительно Любава, а в салоне, обтянутом красной кожей, имелся небольшой, но вполне вместительный бар.

Загородной виллы? По своим размерам «Чумные палаты» были даже больше оставленной в Подмоскowie недвижимости.

Шмоток из бутиков? Княжеские портные шили во сто крат лучше.

Телевизора? Илюха в Москве и так его практически не смотрел.

Любимого фитнес-клуба? Оборудованный с любовью в амбаре спортивный зал вполне мог его заменить.

Тут взгляд бывшего чемпиона по греко-римской борьбе совершенно случайно остановился на скромном маленьком строеньице, называемом в народе «отхожим местом». Уже спустя мгновение ему стало ясно, чего именно из далекого будущего действительно не хватает в этом чудесном настоящем.

Не тратя времени зря, Солнцевский отправился к княжескому кузнецу, а по совместительству мастеру на все руки Захару. За время пребывания в Киеве у членов команды сложились с ним если не дружеские, то вполне приятельские отношения. Казалось, за это время он должен был привыкнуть к самым немыслимым заказам странной компании, но они неустанно продолжали его удивлять.

Вот и сейчас, внимательно выслушав Солнцевского и не менее внимательно рассмотрев странную схему на куске бересты, нарисованную им же, он озадаченно крикнул. Потом пошел процесс обдумывания услышанного. Чтобы данный процесс продвигался плавней, Илюха тут же наполнил до краев пустую посуду предусмотрительно прихваченным из дома первачом.

Захар молча проглотил предложенный допинг и вопросительно уставился на старшего богатыря.

– Слушай, а зачем все так сложно-то?

– Да ты что?! – взвился Солнцевский. – Знаешь, как удобно, ежели в теплоте да к тому же еще не выходя из дому?

Захар не знал, как это в теплоте, поэтому возражать не торопился. Вместо того он залпом осушил второй стакан и что есть силы закрипел мозгами. В общении со странным богатырем из бывших монахов мастера устраивало то, что он только ставил задачу и не лез в процесс ее воплощения. А это такой творческой натуре, как Захар, было немаловажно. Наконец, вдоволь поразмыслив, он изрек:

– А почему бы и нет? В этом действительно что-то есть. Ежели там зима или дождь, а ты не во двор...

– Ну так я же говорю! – обрадовался Солнцевский. – Очень удобная вещь!

– Возможно... – протянул Захар, прикидывая в уме возможность воплощения в жизнь очередного безумного проекта.

Однако оказалось, что фантазии Солнцевского на этом не ограничились.

– А рядом, за перегородкой нужно поставить большую ванну...

– Что?

– Ну там бадью или корыто глубокое, – охотно пояснил Илюха, – в которую из множества дырочек будет поступать воздух.

Захар больше не переспрашивал, а только ошалело таращился на старшего богатыря.

– В общем, соскучился я по родной джакузи и очень хочу максимально приблизить бытовые условия к общепринятому реальному уровню, – толково пояснил свою мысль Илюха и немного погодя добавил: – Ну и, до кучи, можно банальный душик забабахать, а то мне надоело из кадки обливаться.

На этот раз процесс осознания услышанного у Захара затянулся. Чтобы его стимулировать, Солнцевский заботливо налил еще полстаканчика. Полный не рискнул, чтобы не переборщить с допингом. Да уж, тяжело воспринимать средневековым жителям простые бытовые прелести их далеких потомков. Наконец мастер очнулся.

– Слушай, у тебя же баня есть, – наконец резонно заметил он.

– Есть, – охотно согласился Солнцевский. – Но баня – это святое, это, так сказать, определенный обряд, к тому же по уму ее топить нужно несколько часов. А тут раз, два и готово. Скажем, после тренировки али просто так, на сон грядущий. Знаешь, как приятно в ванной с бутылочкой пивка полежать?

– С чем? – автоматически поинтересовался Захар.

– Через несколько дней узнаешь с чем, – отмахнулся Илюха. – И Изя не будет Изей, если не забодяжит по меньшей мере сортов пять этого божественного напитка.

Захар тяжело вздохнул и, запасшись терпением и целыми рулонами бересты, принялся вытряхивать из своего странного заказчика всю необходимую информацию. А кому сейчас легко?

* * *

Надо сказать, что задумку Солнцевского поддержали не все обитатели «Чумных палат». Однозначно поддержал проект только Изя как индивидуум, вкусивший все блага цивилизации. Старый черт одобрительно буркнул другу что-то навроде: «Давно пора» и тут же скрылся в своей уникальной лаборатории.

Феофан, как матерый консерватор, ехидно прошелся про «изнеженную молодежь» и про «с жиру беситесь», но активно противостоять задуманному проекту не стал. Такая покладистость вредного домового объяснялась весьма просто – он вместе с Изей дни и ночи проводил на чердаке, так сказать, в самом эпицентре «пивного эксперимента», а судя по его осоловелым глазкам, давно занял роль главного дегустатора.

Моте, как вы понимаете, задуманное строительство было глубоко «до фонаря», лишь бы обожаемый хозяин не слишком отвлекался от своих непосредственных обязанностей, как то: ежедневная прогулка, море ласки и контактные, силовые игры на чистом воздухе.

А вот Соловейка восприняла появление во дворе «Чумных палат» подводы со стройматериалом весьма настороженно. Позднее, вникнув в саму идею строительства, она тут же встала в оппозицию. Хорошо еще, что оппозиция была вполне мирная и обуславливалась только язвительными шуточками в адрес своих коллег. Причем никакие доводы в пользу намеченного

прогресса она не принимала. Что поделаешь, такие изыски для сего исторического времени были, мягко говоря, непопулярны.

Как бы то ни было, но все члены «Дружины специального назначения» проводили время вынужденной отставки с пользой для себя и для концессии. Дни текли спокойно и безоблачно, до окончания вынужденного простоя оставалась всего неделя.

В один из таких дней Илюха развалился в тенечке на лавочке, своим личным присутствием контролируя процесс появления человеческих удобств на вверенной ему территории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.